

В области ок[к]ультизма и магнетизма

I

Только что вернулись из Парижа, где мы провели шесть недель в ближайшем сообществе с представителями теозофического движения; находясь еще вполне под впечатлением удивительных вещей, нами виденных и слышанных в этой совсем особой, чудодейной среде, я сочла себя нравственно обязанной пред всеми интересующимися подобными, в высшей степени изумительными фактами, не обрывать моих сообщений на одной первой статье о теозофистах, появившейся в «Одес[ском] вестнике» от 5 июня¹. Наше время таково, что люди, свыкаясь с величайшими изобретениями и самыми необычайными откровениями неведомых, сокрытых в людях и природе таинственных сил, перестают удивляться, ожидая всего; иные – всему веря, другие, наоборот, сосредоточиваясь в самых узких рамках неверия, глубочайшего материализма. Боясь резких суждений, обвинений в недобросовестности и лжи этих последних, многие слабые духом люди молчат, не смея заявлять фактов, происходивших на их глазах, и этой поблажкой им и своему эгоизму становятся крепко виноваты пред человечеством. Они виновны в отдалении минуты познания истины; в том, что трусостью своею усложняют задачу своих более смелых ближних – мешают им скорее распознать, отделить доброе семя от плевел, привитых к правде суеверием, легковерием, а порой и действительно заведомым обманом. Прожив полтора месяца в постоянном общении с искренно убежденными теозофами всех вероисповеданий, мы остались вполне верны своим собственным религиозным убеждениям, но, тем не менее, прониклись девизом основателей их общества, – девизом великим, нимало не противуречающим² христианским догматам: *«Нет религии превыше истины!»* – гласит надпись на их печатях, над символическим кольцом вечности и шестиконечной звездой теозофов. Я уже говорила, что теозофия не есть ни секта, ни религия; что это общество – самое терпимое вообще, и даже среди своих членов и служителей допускает все мнения и все верования, кроме безбожия и крайнего материализма. Материалист, не верующий в божественное начало и душу бессмертную, – не может быть теозофистом. Настоящий теозоф есть человек, стремящийся к познанию истины, к нравственной чистоте как к скорейшему и единому средству слиться с божественной силой и началом, откуда *все* исходит. Чем большей нравственной чистоты достигает человек, чем полнее он покоряет свое тело духу, чем он лучше умеет владеть своими страстями, покорять личные чувства всеобщей любви и справедливости, – тем он ближе духовным, бессмертным существом своим к божественному началу, его породившему. Искру этого божественного начала каждый смертный носит в себе; в его воле ее развить до окончательного слияния с нею по смерти или заглушить ее в себе до того, что личность его уже не сольется с нею, а будет требовать новых воплощений, новых земных очистительных страданий. Это – в его свободной воле, по убеждению теозофов. Человек может сократить число своих телесных воплощений или умножить их, – смотря по тому, работает ли он в свое усовершенствование или в свое унижение, служит ли он Богу или мамоне, говорят они. Ему даны Зиждителем вселенной необычайные силы, которые могут быть доведены до крайних познаний и могущества духовным и физическим самовоспитанием. Тот, который окончательно покорит духу свой земной элемент, который очистит себя до того, что совершенно сделается свободным от влечений материи, – приобретет возможность, еще при жизни, воспарять

Статья публикуется по газете: Одесский вестник, 1884, №166, 26 июля; 172, 2 августа; 181, 14 августа; 184, 18 августа; подписана «В.Ж.»; четвертая часть статьи под заголовком «Феномены ок[к]ультической силы г-жи Блаватской» была напечатана в журнале: Ребус, 1884, №50, 16 декабря.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ См.: Желиховская В.П. Е.П.Блаватская и теософисты // Одесский вестник, 1884, №123, 5 июня; перепечатано в: Ребус, 1884, №28, 15 июля; 29, 22 июля.

² противуречающим (*устар.*).

в высшие сферы и узрит истины, кои составляют непроницаемую тайну для обыкновенных людей. И чем далее такой избранник движется по своему чистому, свободному пути, тем он становится ближе к божеству и тем более воспринимает свойства избранников Божьих... Такой-то именно чистоты, знаний и могущества и достигали, по мнению теозофов, *некоторые избранные*, во все века и у всех народов проявлявшиеся и дивившие мир своим могуществом над людьми и природою... К таковым они причисляют и своих индийских мудрецов-отшельников – махатм, этих учителей своих и властителей чуть ли не полноправных не только над своими последователями, но и над большею частью сил природы. Так для махатмы нет, говорят они, ни времени, ни расстояния, ни болезней, ни печалей. Есть, разумеется, смерть. Но и она является так поздно вследствие необыкновенной чистоты и правильности жизни, что предстает желанной гостьей, не уничтожающей силой, а лишь перерождающей преобразительницей естества человеческого в лучший, высший образ, ближайший к вечной славе Зиждителя.

Таковы верования основателей теозофического общества, почерпнутые ими частью из буддистских учений, частью из знакомства с их «хозяевами»³, из их учений и собственного опыта, доказывающего им в яви, ежедневно, тайные знания, силы и могущество этих смертных, «одолевших природу»... Здесь я должна оговориться. Я – не сторонница их убеждений (по крайней мере, далеко не во всем); я не берусь проповедовать мнений теозофов. Я просто считаю бесполезным и небезынтересным рассказать и виденные мною лично проявления *необыкновенных* сил, окружающих полковника Г.С.Олкотта⁴, Е.П.Блаватскую и многих их приближенных; и некоторые замечательные факты, слышанные нами от лиц, которых [в отсутствии] правдивости я не имею возможности заподозрить (особенно после того, что происходило на собственных моих глазах); и, наконец, объяснить несколько их воззрения и учение, насколько необходимо знать их для ясности всего последующего. Знаю прекрасно, *что* навлеку на себя искренними своими заявлениями *фактов!* Знаю, что их многие назовут *не так*, а меня самоё аттестуют, за их сильное изложение, сторонницей... чего угодно, только *не истины*. Знаю все это и, тем не менее, *во имя этой истины* – не колеблюсь. Впрочем... я недаром дожила до седых волос!.. Недаром познала цену людских толков и верности общественного мнения, чтобы особенно им трогаться или интересоваться.

Итак – я продолжаю.

Профессор W.A.Гаммонд⁵ в своем интересном сочинении «*Сумасшествие*», в котором он излагает соотношения ума и инстинкта к мозгу головному и спинному, выражает мнения, во многом сходные с мнениями, высказанными еще 8 лет тому назад г-жой Блаватской в «*Разоблаченной Изиде*». Он говорит, что через несколько тысяч (а быть может, и *сотен*) лет, «последующие поколения устыдятся своих предков в том, что они *могли* сомневаться в возможности человеку *одновременно находиться в двух местах*»⁶, на каком бы они расстоянии ни находились, безразлично... Теозофисты не сомневаются нимало в том; они утверждают, что им известно из собственного, ежедневного общения с людьми, находящимися *телесно* за тысячи миль от них, что человек духовным существом своим может присутствовать в месте, куда влекут его желания и помыслы, тогда как физическое тело его лежит в бессознательном состоянии, объятые сном или забытьем, далеко, там, где земное притяжение удерживает земные атомы его существа. Для того чтоб понять яснее их учение, необходимо слегка познакомиться с их понятием о естестве человеческом.

Человек, говорят они, состоит из 7 начал или принципов:

1) *Штуль-Шарира*⁷ (названия санскритские) – физическое тело.

³ Учителями (*англ.* Master учитель, хозяин).

⁴ Олкотт Генри Стил (Olcott, 1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

⁵ Хаммонд Уильям Александр (Hammond, 1828–1900) – американский военный врач и невропатолог.

⁶ Hammond W.A. A Treatise on Insanity in Its Medical Relations. New-York, 1883. P. 49 <Хаммонд У.А. Трактат о безумии в его медицинских отношениях. Нью-Йорк, 1883. С. 49>.

⁷ *Стхула шарира*.

2) *Джива* – жизненный принцип, сила.

3) *Линга-Шарира*⁸ – двойник, *perésprit*, тень или астральное тело.

4) *Кама-Рупа* (*le corps de l'illusion*) – сила обращать свой двойник, вышеназванное астральное тело, в подобие кого или чего-либо другого – в образ человека, чудовища или зверя.

5) *Манас* – физическая интеллигенция, ум, личная сила (*l'égо personnel*), т.е. душа, так сказать, животная, которой одарены звери, или способность самосознания посредством пяти чувств. (NB. Если во время жизни человека – учат буддисты и со свидетельства их г. Олкот – *манас* успеет слиться с 6-м и 7-м принципами, *личность* человеческая приобретает бессмертие *индивидуальное*. А нет, – если человек был лишен необходимого для того высокого, нравственного развития, – то 5-й принц[ип] его существа, *по времени*, сливается с *общей* душой, с сознательной силой всей природы, теряя свою индивидуальность). Вот такие-то не усовершенствовавшиеся на земле души тотчас после смерти человека и обращаются в те силы, что бесцельно бродят и мечутся до нового воплощения на земле, не имея возможности отрешиться от земных страстей и помыслов и за гробом, вечно ища возможности общения с землей и живыми людьми. Теозофы указывают на них как на творцов всех загадочных проявлений, так называемых, *спиритических*. Они их называют «a shell», т.е. *скорлупа, оболочка, шелуха*. «Они-то, эти отверженные силы или по-индусски “*бхуты*” и стучат в ваши столы, и поднимают вас на воздух, и материализуются, вводя в заблуждение своим сходством с умершими близкими несчастных безумцев, ищущих загробных свиданий с своими отшедшими посредством силы медиумов!» – говорят они с убеждением).

6) *Бодди*⁹ – душа божественная, коей исключительно одарены люди, – высший принцип.

7) *Атмо*¹⁰ или *Брам* – божественный луч или искра (*ego neutre*), принцип самый чистый, самый высокий, – изображающийся в теозофическом знаке в середине, отдельно, подобием креста¹¹.

---

⁸ *Линга шарира*

⁹ *Буддхи*

¹⁰ *Атма*.

¹¹ В.П.Желиховская довольно путано пишет о семеричной природе человека. Е.П.Блаватская так определяет состав человека:

«Низшая четверка:

а) Рупа, или стхула шарира. Физическое тело. Проводник для всех прочих “принципов” в течение жизни.

б) Прана. Жизнь, или жизненное начало. Необходима лишь для а, в, г и функций низшего манаса, охватывающих все, что ограничено (физическим) мозгом.

в) Линга шарира. Астральное тело. Двойник, фантомное тело.

г) Кама-рупа. Вместилище животных желаний и страстей. Это центр животного человека, где пролегает граница, отделяющая смертного человека от бессмертного существа.

Высшая нерушимая триада:

д) Манас, двойственный по своим функциям принцип. Ум, разумность – высший ум человека, чей свет или излучение в течение жизни связывает МОНАДУ со смертным человеком. Будущее состояние и кармический удел человека зависят от того, тяготеет ли манас больше вниз к кама-рупе, вместилищу животных страстей, или выше, к *буддхи*, Духовному Я. В последнем случае высшее сознание индивидуальных духовных устремлений *ума* (манаса) просветившегося буддхи, впитывается им и образует то Я, которое отправляется в блаженство дэвачана.

е) Буддхи. Духовная Душа. Проводник чистого вселенского духа.

ж) Атма. Дух. Единый с Абсолютом как его сияние» (*Блаватская Е.П. Ключ к теософии. Избранные статьи. М., 2010. С. 84*).

Вот знак или печать теозофии: звезда из 2-х треугольников в кольце бессмертия. Темный треугольник – три первых, земных, тленных принципа – обращен концом вниз, к земле. Светлый треугольник, обращенный концом вверх, к небу, – олицетворяет принципы божественные, нетленные. А седьмой, высший, один, сам по себе, средоточие и смысл всего¹².

Вообще цифра 7 играет важное значение в теозофических учениях. Они утверждают, что в высшей мудрости человеческой, той, которой достигли махатмы, открыты не только 7 свойств естества человеческого, но и 7 свойств всего, что есть во Вселенной, и 7 *измерений*, – дающих ключ ко всем тайнам природы...

«Да поймут светила европейской современной науки истинную премудрость *бытия*, – говорят проповедники теозофии. – Да одолеют они понятие о седмичном составе человека. Да убедятся, что наше физическое тело со всеми его с толку сбивающими нервными центрами и узлами есть не что более как временное слитие материи – необходимая для развития высших принципов *шелуха*; что и эти, высшие принципы, суть только частицы атомов и сил в состоянии высшей эволюции, – и они убедятся, что их научные кодексы полны заблуждений, а “непогрешимые” догматы науки требуют не только пересмотра, но полного обновления...» «Мы не будем судить их (европейских ученых) слишком строго, – заявляет д-р Гартман¹³, делегат американской ветви общества, в своей речи на съезде 8-ой его годовщины в Мадрасе в декабре 1883 г. – Я знаю по личному опыту, как больно расставаться с убеждениями целой жизни, когда факты ок[к]ультических сил бросают вам в лицо их несостоятельность! Когда само основание, на котором вы созидали ваши убеждения, потрясено как бы умственным землетрясением и вы видите, как все ваши дорогие авторитеты скользят и падают во прах при едином, волшебном прикосновении к ним махатмы!...»

---

¹² «В *Эмблеме* Теософского общества <...> воспроизведена *Гексаграмма* (часто называемая Двойным Треугольником, знаком Вишну, а в иудейской религии известная как печать Соломона или звезда Давида). Двойной Треугольник, символически изображающий макрокосм или проявленную Вселенную, содержит в себе идею Единства мира.

В классической йоге этой шестиугольной звездой обозначается сердечная Анахата-чакра. Шесть вершин фигуры тяготеют к центральной, невидимой седьмой точке изначального первичного Огня.

Треугольники, символизируют три грани проявления, известные в различных религиях как Троица или Тримурти. Темный треугольник, указывающий вниз, и светлый треугольник, указывающий вверх, – это символы нисхождения духа в материю и вознесения преобразенной материи в мир духа.

...В *Эмблеме* Теософского общества <...> Двойной Треугольник окружен змеей. Эта комбинация звезды и змеи символизирует проявленную Вселенную, где творчество ограничено временем и пространством.

Змея. Кроме уже упомянутого значения, сама змея всегда была символом мудрости. Индийцы называют мудрецов “нагами”, а Христос призывал своих учеников быть “мудрыми как змии”. Урей – священная кобра, которая изображалась на лбу египетских фараонов, означала их посвящение в тайные ритуалы, на которых приобретались сокровенные знания и мудрость. Змея, заглатывающая свой хвост – Уроборос, является одним из древнейших символов, известных человечеству, и представляет Единую Абсолютную Реальность, “круг Вселенной”, Великое Дао китайцев, бесконечность циклического процесса проявления.

...В *Эмблеме* <...> присутствует *Свастика* – символ вечного круговорота Энергии, то есть эволюции. Свастика – это одна из многочисленных форм креста – огненный крест. Из ее загнутых вращающихся концов исходят струи огня (энергии природы), непрестанно созидающего и растворяющего формы эволюционного процесса. Также свастика символизирует вращение огней сердца. <...>

В *Эмблеме* Теософского общества в центре двух пересеченных треугольников расположен знак, известный как “Анкх” или *crux ansata* <крест с петлей, лат.>, представляющий собой круг, венчающий крест тау. Анкх – это египетский символ Жизни, встречающийся на многих изображениях египетских богов как неотъемлемый божественный атрибут. В высшем своем значении этот древний символ означает воскресение духа из заключения в материю, торжество жизни над смертью, духа над материей, добра над злом. Эту идею воскресения можно встретить во многих религиях и духовных учениях. <...>

Таким образом, в символах Змеи, заглатывающей свой хвост, Двойного Треугольника, Знаков вокруг него, Свастики заложены основные положения Тайной Доктрины:

- 1) существование Единой Абсолютной Реальности во множественных аспектах в проявленной Вселенной;
- 2) периодическое появление и исчезновение бесчисленных Миров (закон периодичности);
- 3) единство всего сущего» (*Эмблема* Теософского общества и Личная печать Е.П.Блаватской // *Вестник Космической эволюции*. Сборник статей. Тверь, 2012. С. 389–392).

¹³ Гартман Франц (1838–1912) – немецкий теософ, врач, писатель.

Так говорит д-р Гартман, теозофист убежденный; так скажем и мы, не имеющие ни прав, ни притязаний на подобное название, но, по воле случая, сделавшиеся временными свидетелями проявлений таких сил, таких фактов, которые окончательно сбили все наши с детства принятые на веру понятия о непреодолимости расстояний, о преградах времени и немощи человеческой.

Когда мы в середине мая приехали в Париж для свидания с Е.П.Блаватской¹⁴, мы нашли ее окруженною целым штатом членов общества, ею основанного, друзей, съехавшихся в Париж из Германии, России и даже Америки для того, чтоб ее увидеть после ее пятилетнего пребывания в Индии, и любопытных, прослышавших о чудодейной атмосфере, всегда ее окружающей, и желавших убедиться воочию в ее ок[р]ультических силах. Надо сказать, однако, правду: Елена Петровна не щедро удовлетворяла требованиям праздного любопытства. Она вообще смотрит очень легко на свои способности, не любит бесцельно их проявлять, а тут еще была совсем больна, а так как особы, близкие ей, ее нимало к этому не побуждали, то она предпочитала не растрачивать задаром своих сил. Каждый *произвольный* феномен (вроде описанных в фельет[оне] от 5 июня) ей всегда стоил усилия воли, вредно отзывавшегося вообще на ее здоровье.

Я говорю *произвольный* потому, что феномены гораздо чаще творятся вокруг нее независимо от нее волею, как она утверждает, того таинственного существа, которого она зовет «хозяином и учителем». Такие проявления неведомых сил на ней, понятно, не отзываются. Каждый раз, как аккорд или арпеджио¹⁵ невидимых струн раздавались на другом конце квартиры, в ее комнате, находилась ли она в гостинной с посетителями или одна с нами, – Е[лена] П[етровна] тотчас бросала всякое дело и спешила на призыв для совещания или получения инструкций, и почти каждый раз передавала полученные указания своим помощникам. Они, впрочем, и сами часто удостоивались таких призывов или посланий в маленьких китайских конвертиках, находимых ими «*совершенно неожиданно*». Я лично не бывала свидетельницей такой *находки*, – но вот случай, который я имею право подтвердить, потому что он разыгрался на моих глазах. 18 мая приехал из

---

¹⁴ Считаю нелишним заметить, что свидание это мотивировалось родственными чувствами, дружбой существовавшей с детства, но не имело ни малейшего отношения к теозофии и пропаганде ее адептов, которая напротив внушала пиущей многие сомнения и даже опасения несколько враждебного характера. – *Примечание В.П.Желиховской.*

В.П.Желиховская писала 27 октября 1884 г. Вс. Соловьеву: «Вы помните наш разговор le parc de Monceau <в парке Монсо, *фр.*>? Я вам и тогда не могла на многие *i* поставить точек, – но достаточное их количество выяснила, чтобы вы знали, что между мной и Еленой общего мало. Я ее люблю и жалею горячо. Надеюсь, что и она меня любит также, но... по-своему. Помимо этого чувства, неоднократно склонявшего меня к снисхождению и даже к закрыванию глаз на многое, что меня возмущало внутренно, – между нами все – рознь.

Я ехала к ней на ее средства, поставив непременно условием, чтобы между нами и речи не было о ее делах и обществе; впоследствии это оказалось невозможным: меня затянул общий водоворот и, к крайнему сожалению, я согласилась быть в обществе настолько, насколько могла по совести и религиозным убеждениям в нем состоять, и даже описала то, что видела и слышала... Если в мои описания вкратились неточности, то без намерения и не по моей вине. Да дело не в том. Елена рассердилась на меня, бросила мне писать и, как вижу, обвиняет меня в жестокости и неблагодарности. Очень жаль! Говорю искренно: сердечно жаль наших испорченных, быть может, навсегда отношений; но даже ради них я не могу *пожертвовать совестью*. Не виню ее: ей то, что она просит меня сделать, кажется пустяком, мне – *преступлением!* Мы разное смотрим на вещи, может быть потому, что я Христианка, а она... не знаю что! Она давно меня об этом просит. Я не могу исполнить ее желания и не хочу! Не хочу, потому что мало того, что считаю его для себя нечестным, но и для нее *гибельным*. Так же смотрел на это дело и покойный дядя Рост[ислав] Фадеев, умнейший человек и величайший Христианин, какого я когда-либо знала. Он, на смертном одре своем, умолял меня не поддаваться ее просьбам, – объяснить ей, что она самой себе прежде всего навредит. Я так и делала много раз – но безуспешно. Великая ошибка Н[адежды] А[ндреевны] в том, что она *не знает границ* своей жалости к Елене. Оттого же и говорит, что она *одна* к ней хороша и ее любит. Дай Господи, чтобы эта любовь не отозвалась на обеих гибелью» (РГИА, ф. 1120, д. 83. Л. 15–16. Выписка из письма В.П.Желиховской сделана Вс. Соловьевым).

Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) – писатель, поэт, критик, издатель, автор клеветнической книги о Е.П.Блаватской «Современная жрица Изиды» (1892).

Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, дядя Е.П.Блаватской.

Надежда Андреевна Фадеева (1828–1919) – тетья Е.П.Блаватской, проживала в Одессе и возглавляла первое в России Теософское общество.

¹⁵ Арпеджио (*ит.* *arpeggio*, *arpeggiare*, играть на арфе) – способ исполнения аккордов на фортепиано и струнных инструментах, при котором звуки аккорда следуют один за другим.

Лондона Олкот, и на другой же день я сама видела и прочитала письмо, которое он «нашел», по уверениям его, в вагоне, когда ехал в начале апреля в Англию¹⁶. Об этом письме я уже упоминала в предшествовавшей статье, но не говорила, что им махатма М. предупреждал основателей об[щест]ва, что они должны ждать очень больших неприятностей в свое отсутствие из Адияра¹⁷ у себя дома; что будет «измена со стороны очень близких, облагодетельствованных ими лиц», что им готовятся крупные огорчения и заботы, но чтоб они не очень ими смущались, ибо он «с намерением» предупреждает их об этом, чтоб они знали вместе с тем, что их врагам «не будет дано повредить ни обществу, ни им самим»¹⁸... Письмо это было писано 8-го апреля¹⁹ и тогда же было показано Олкотом Блаватской; но она не обратила на него должного внимания. Теперь же, когда неприятности, предсказанные в нем, действительно разыгрались, благодаря козням и предательству особы, которая несколько лет существовала милостями основателей т[еозофического] об[щест]ва²⁰, и сильно огорчили Е[лену] П[етровну], полковник Олкот достал его нарочно, чтоб успокоить ее уверением их «учителя», что все обойдется благополучно. Письмо было писано по-английски обычным красным карандашом или краской; я читала его и, уже зная все происшедшее в Адияре, могла вполне оценить его пророческие указания. Хотя обстоятельства казались еще, *в то время*, очень угрожающими, но *теперь* уже очевидно, что и вторая часть предсказания тибетского мудреца сбывается: несмотря на хлопоты, подкупы и старания лиц, заинтересованных желанием повредить об[щест]ву и его основателям, – интриги их не удались²¹.

¹⁶ Речь идет о письме, которое, по словам Г.Олькотта, было «брошено в вагон пассажирского поезда 5 апреля 1884 г.» (Письма Мастеров Мудрости (1870–1888). М., 1998. С. 56).

¹⁷ Адьяр (*англ.* Adyar) – город в Индии, недалеко от Ченнаи (до 1996 г. – Мадрас), в котором с 1882 г. расположена штаб-квартира Международного Теософского общества.

¹⁸ В письме к Г.Олькотту от 5 апреля 1884 г. Учитель М. предупреждал Е.П.Блаватскую и Г.Олькотта о заговоре служащих Эммы и Алексиса Куломбов в Штаб-квартире Теософского общества в Адьяре: «Не удивляйтесь ничему, что вы можете услышать из Адьяра, и не расхолаживайтесь. Возможно, хотя мы стараемся предотвратить это в границах кармы, что вы будете иметь крупные домашние неприятности, через которые вам нужно пройти. Под своей крышей вы дали на годы приют предателю и врагу, а миссионеры более чем готовы извлечь выгоду из любого шага, к которому они могут ее [Эмму Куломб] принудить. Постоянный заговор в ходу. Она [Эмма Куломб] раздражена появлением м-ра Лейна Фокса и полномочиями, которые вы дали Контрольному Совету». (Письма Мастеров Мудрости (1870–1888). М., 1998. С. 57). Более подробное письмо о предательских действиях Куломбов было получено Ф.Гартманом от Учителя М. 26 апреля 1884 г.: «Эта женщина [Эмма Куломб] уже давно ведет переговоры, настоящий дипломатический диалог с противниками нашего дела – некоторыми падре [миссионерами]. Она рассчитывает получить от них 2000 рупий за помощь в уничтожении или, по крайней мере, дискредитации Общества через дискредитацию его основателей. Отсюда и намеки на “потайные дверцы” и фокусы. Более того, когда *понадобится*, потайные дверцы, как это можно ожидать, действительно *найдутся*. Теперь только они раскручивают всю эту историю. Они могут входить куда захотят, так что весь дом – в их распоряжении.

“Месье” [Алексис Куломб] умен, и мастерства ему не занимать – хороший механик и плотник, так что справиться со стенами ему ничего не стоит. *Помните об этом, вы, теософы.* Они ненавидят вас лютой ненавистью – ненавистью неудачников, завидующих чужому успеху, – Общество, Генри [Олькотта], Е.П.Б[лаватскую], теософов и само имя теософии и готовы выложить кругленькую сумму за уничтожение ненавистного им Общества...

...Более того, индийские и [езуиты] сговорились со своими братьями в Лондоне и Париже.

...Все вышесказанное вы должны хранить в секрете, если хотите оказаться сильнее. Пусть она [Эмма Куломб] не подозревает о том, что вы все знаете: но, послушайте моего совета, будьте осторожны. Действуйте, однако же, незамедлительно. М.» (Цирков Б.М. Франц Гартман // Дельфис, 2012, №2. С. 71–72).

¹⁹ В.П.Желиховская ошибается, это письмо было получено Г.Олькоттом от Учителя М. 5 апреля 1884 г.

²⁰ Речь идет об Эмме Куломб.

²¹ Речь идет об интригах Эммы и Алексиса Куломбов. 14 мая 1884 г. Генеральный совет Теософского общества исключил Куломбов из членов общества. Им было предъявлено обвинение в вымогательстве, шантаже, клевете и злоупотреблении денежными средствами общества. 18 мая 1884 г. комитет из нескольких теософов обнаружил в комнате Блаватской перестройки, сделанные Алексисом Куломбом, «которые должны были доказать, что она производила свои феномены с помощью потайных дверей и других мошеннических приемов» (Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская // Вопросы теософии. Вып. 2. СПб., 1910. С. 39). 25 мая 1884 г. Куломбы покинули Штаб-квартиру Теософского общества в Адьяре и нашли пристанище у мадрасских миссионеров Шотландской свободной церкви (протестантская деноминация). В журнале этих миссионеров «Christian College Magazine» в сентябре и октябре 1884 г. в статье его редактора Дж. Паттерсона «Крах Кут-Хуми» были напечатаны «признания» Куломбов в том, что феномены, производимые Блаватской, были поддельными, и что они сами «помогали» ей совершать их. В качестве «доказательства» они представили фальшивые письма, изготовленные ими самими, а по их утверждению написанные

Вскоре по приезде президента об[щест]ва из Англии мы сидели раз вечером небольшим кружком в маленькой гостиной улицы Notre Dame des Champs²². В этот самый день у de Morsier²³ было большое собрание членов-теозофов, где присутствовали все интересующиеся делом и лекциями брамина Могини Чаттерджи²⁴ о законе кармы (воздаяния), о посмертном состоянии самоубийц и пр[очих] т[ому] под[обных] вопросах. Мы вернулись поздно, и это нас избавило от обычного сборища вечерних посетителей. En petit comité²⁵, как все знают, беседа легче и искреннее льется. Полковник Олкот рассказал нам и показал в этот вечер много замечательных вещей. Рассказов его о многом множестве феноменов, произведенных в разные времена Е.П.Блаватской, я передавать не стану – желающие могут прочесть их в иностранных газетах, где о них писали не раз. Хотя их подтверждали мне многие очевидцы, и я видела, например, те рисунки, которые творились без помощи красок или карандашей, *появляясь* под ее спокойно положенными на бумагу руками; видела многие материализованные ею вещи и, поистине, не могу не верить искренним, убежденным свидетельствам полковника Олкота и других лиц лишь на том основании, что сама не присутствовала при этих «*натуральных*» (как они уверяют) феноменах. Ведь они с нею постоянно живут вот уже десять лет и более; а мы пробыли всего 6 недель, да и то достаточно чудес²⁶ насмотрелись! К тому же она теперь совсем больна и далеко не в силах воспроизводить явления, которые тем легче даются, чем сильнее здоровьем и бодрее духом адепт ок[к]ультических знаний. Всем, кто раз поговорил с г. Олкот[ом]; кто видел это красивое, доброе, честное лицо; кто слышал его искренние речи, полные благожелания и сознательно-спокойной

Блаватской, в которых она якобы признавалась в мошенничестве. Ни Блаватской, ни ее сторонникам не дали возможности взглянуть на эти письма, которые затем бесследно исчезли. Также Куломбы обвинили Блаватскую в том, что она подделала все письма Махатм, получаемые членами Теософского общества. Клевета Куломбов была оплачена миссионерами.

В 1884 г. был создан комитет Общества психических исследований (ОПИ) для исследования феноменов, связанных с Теософским обществом и Е.П.Блаватской. Расследование в Индии проводил член ОПИ Ричард Ходжсон. В отчете комитета ОПИ (называемом также отчетом Ходжсона), опубликованном в декабре 1885 г., Блаватская совершенно необоснованно и бездоказательно была объявлена мошенницей и русской шпионкой. Основой для этого отчета послужили клеветнические заявления Куломбов.

Спустя сто лет в 1986 году ОПИ выпустило пресс-коммюнике, в котором говорилось, что Вернон Харрисон, бывший президент Королевского фотографического общества, эксперт по исследованию и выявлению подделок документов и член ОПИ с почти полувековым стажем, заново проверил все обстоятельства дела и пришел к заключению, что «письма, уличающие мадам Блаватскую в мошенничестве, являются фальшивкой, состряпанной бывшими служащими [Куломбами] из мести, тогда как корпус Писем Махатм, хранящихся ныне в Британской библиотеке, написан почерком, явно не отвечающим характерным особенностям почерка мадам Блаватской, даже если бы она и попыталась его изменить» (Пресс-коммюнике Общества психических исследований. 1986 г. // Вестник Космической эволюции. Сборник статей. Тверь, 2012. С. 355).

Что касается отчета Ходжсона В.Харрисон считает, что, «по мере тщательного анализа обвинений, выдвинутых в этом отчете, становится все более очевидным, что в то время как д-р Ходжсон был готов ухватиться за любое, даже самое пустяковое и сомнительное свидетельство, направленное против мадам Блаватской, он совершенно проигнорировал всё то, что могло бы свидетельствовать в ее пользу. Его отчет нашпигован предвзятыми суждениями, предположениями, выдаваемыми за установленный или возможный факт, ничем не подтвержденными показаниями безмянных свидетелей, избирательным отношением к отбору свидетельских показаний и откровенной ложью. Как следователь д-р Ходжсон не выдерживает никакой критики. Его дело против мадам Е.П.Блаватской абсолютно бездоказательно» (Там же). Харрисон делает вывод, что «отчет Ходжсона отнюдь не является, как это повсюду считалось в течение более ста лет, образцом беспристрастного и тщательного научного исследования. В действительности это работа человека, который сделал выводы еще до своего исследования и который впоследствии, предвзято отбирая и искажая факты, не колеблясь принимает ложные аргументы в поддержку своего предположения» (Харрисон В. Е.П.Блаватская и Общество психических исследований. Проверка отчета Ходжсона 1885 года (фрагмент) // Вестник Космической эволюции. Тверь, 2012. С. 361).

²² По адресу «ул. Notre Dame des Champs 46» проживала в Париже Е.П.Блаватская.

²³ Морсье Эмили (1843–1896) – деятельница французского феминистского движения, филантропка, секретарь парижской секции Теософского общества.

²⁴ Чаттерджи Мохини (Mohini, 1858–1936) – индийский адвокат, писатель, член Теософского общества с 1882 г.; в 1886 г. выступил против Е.П.Блаватской с клеветническими обвинениями.

²⁵ В тесном кругу (*фр.*).

²⁶ Вроде перехода из-под руки ее знаков красным карандашом в *запечатанное* письмо, – как рассказано в №123 «Одес[ского] вестника». – *Примечание В.П.Желиховской.*

силы и доброты, – становится несомненно ясным, что такой человек не может ни обманывать, ни исказить истины... Но так как мы, разумеется, не можем требовать, чтоб и другие, по *одному свидетельству нашему*, поверили таким, в общежитии, невероятным вещам, то я не стану говорить о них подробно²⁷, лишь укажу на них мимоходом; зато я считаю небезынтересным рассказать то, что мы слышали от полковника в этот вечер, собственно, о его «*обращении*»; о происхождении его безграничной веры в великую будущность их пропаганды и его преданности на жизнь и смерть делу теозофии.

Девять лет тому назад полковник Генри Стил Олкот вышел в отставку в то самое время, как ему открывалась блестящая судебная карьера. Он был известен и как храбрый офицер, много отличившийся в американской войне, и как блестящий адвокат, но оставил все и предался окончательно изучению восточной философии и ок[к]ультизма, давно его привлекавших. Как большинство честных людей на свете, он вынес много горя, видел много неблагодарности, измен и семейных несчастий. «В молодости, – говорил он нам, – я не имел случая узнать близко христианское учение и, вообще, не имел никаких определенных религиозных понятий. Высоконравственные начала первобытного, чистого учения Будды увлекли меня... Вскоре я познакомился с книгой г-жи Блаватской, с ее “Разоблаченной Изидой”, и с ней самой, и это знакомство было краеугольным камнем в моем существовании, и я всей душой предался делу, открывшему мне цель жизни и целый мир интереса, сокровищ, о которых я дотоле и не мечтал. Тогда я еще не был так уверен, как теперь, в глубоких знаниях и духовных силах наших тибетских учителей... Раз, ночью, сидел я в своей нью-йоркской²⁸ квартире, глубоко погруженный в размышления: не есть ли все то, что проповедует философия дальнего, таинственного Востока – преувеличением?.. Быть может, все эти чудеса раздвоений человеческой природы, все эти явления астральных тел живых созданий во плоти суть только фантазии? Плоды разгоряченного воображения людей, преданных вере в могущество махатм и их адептов до ослепления. И я принялся *желать* всем сердцем, всей силой моего бытия, чтоб мне была *доказана* великая сила индусских мудрецов, пустынников тибетских!..» Безмолвная мольба будущего основателя теозофического об[щест]ва была удовлетворена: он вдруг увидел перед собою высокую фигуру в тюрбане и плаще или мантии, которая облекала его, словно облако... Махатма, оставив за морем свое брненное тело, т.е. два первых тленных принципа своего бытия, астральным своим телом с его духовными (6 и 7) принципами явился на призыв своего адепта и рассеял лично все его сомнения. «С тех пор, – говорит полковник, – я сделался их верным слугою и в течение семилетнего своего новициата²⁹ убедился окончательно, что достижение высшей власти над своими земными началами, равно как и познание сокровенных тайн природы – ключ к добру и злу, лежат в воле каждого человека. Надо только иметь твердую решимость и силу воли и тогда вам откроются такие тайны бытия, которые делают действительно человека царем природы»...

Мы дерзнули заметить почтенному полковнику, что появление махатмы было, может быть, сном или галлюцинацией?..

– Я и сам боялся, что приму это впоследствии за сон и потому просил его мне оставить *материальное* доказательство своего посещения! – отвечал он. – В моих глазах он снял с головы свой тюрбан, сделал над ним несколько магнетических пассов и отдал мне...

– И что же? Где же он теперь?.. Вы нашли его у себя на другой день?

– Нашел. Вот он... Он никогда меня не покидает!

И полковник Олкот вынул из пакета, в котором у него хранилось множество таких «вещественных доказательств», белый шарф из индийского, шитого золотом кашемира...

---

²⁷ Отсылаю желающих ближе познакомиться с некоторыми из этих феноменов в книге г. Синнета «The Occult World». Она переведена на французский язык. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Синнетт Альфред Перси (Sinnett, 1840–1921) – английский журналист, писатель, редактор газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) в 1872–1882 гг., президент Лондонской ложи Теософского общества.

²⁸ В тексте статьи: нью-иоркской.

²⁹ В тексте статьи: новициата.

Новициат (*лат. noviciatus, novitiatus* новый, неопытный) – в католической церкви период послушничества, т.е. испытания вступающих в монашеский орден новициев.

И ни тени улыбки или какого бы то ни было колебания не явилось на красивом, мужественном лице его. Он так глубоко верит сам, что у него даже не является подозрения в том, что другие *могут* ему не поверить. И уверяю вас, что какие бы соображения ни являлись *впоследствии*, в ту минуту, как он говорит, – трудно усомниться в его правдивости! У меня постоянно являлась мысль: «Ведь и мне не поверят многие, когда я расскажу *факты*, виденные мною здесь! Виденные вместе со многими другими, – которых *тоже* сочтут лжецами!..» После этого случая, впрочем, Олкоту, да и всем состоящим в близости главной квартиры основателей об[щест]ва, разделяющим взгляды их и преданность делу, не раз приходилось, по их уверениям, видеть и беседовать с своими «учителями». Махатмы редко покидают, как видно, свои пустыни на вершинах Гималаев иначе, как в *астральных* телах своих. Редкие смертные (кроме «чел» – учеников их и будущих махатм) могут похвастать их лицемерием: они отшельники в полном смысле этого слова.

Полк[овник] Олкот одарен большой магнетической силой. Во время своих ежегодных поездок (с целью пропаганды) по Индии, Тибету и Цейлону он исцелил множество больных. Нам это было и раньше известно из отчетов и газет; но теперь я имела случай много раз в этом убедиться: я видела множество благодарственных писем от людей, которым он помог уже здесь, в Европе, и, наконец, меня самоё он в несколько пасс[ов] исцелил от застарелого ревматизма в правом плече. Он так неутомим в своем желании облегчать страдания ближним, что нынешней весной сам едва не заболел серьезно. Как ни силен его организм, но постоянное выделение здоровых сил, магнетических токов из его тела в больные организмы должно отзываться разрушительно на его собственном. Он нимало не величается своим даром! Он уверен, что каждый здоровый человек *может* развить в себе силы магнетизма и *может по воле передавать излишек своего здоровья другим*.

В этот вечер аккорды невидимых струн непрерывно звучали вокруг нас, пока он говорил с нами. Мы все – все жившие в этом помещении – собрались в гостиной; дверь в коридор была отворена, а из него шли двери еще в четыре отдельные комнаты, где не могло быть ни души, и вот из самой-то дальней, из рабочей комнаты Е.П.Блаватской, и долетали беспрестанно гармонические звуки, как бы волшебной арфы... Сначала мы думали, что «ее зовут», – по обыкновению. Но она сама как-то умеет распознавать призывные звуки от не имеющих особого значения.

– Это *челы* забавляются! – говорила она. – Больше ничего.

Она утверждала, что и эти «ученики» всемогущих махатм могут порою совершать путешествия *«вне своих тел»* и часто присутствуют с ней. В доказательство она приказывала сама и просила присутствовавших приказывать этим звукам повторяться сколько угодно раз, и они *повторялись*... Повторялись на дальнем или близком конце коридора по три, по пяти раз кряду, – как угодно!.. А Елена Петровна и ее сподвижник сидели себе, улыбаясь нашему недоумению, и с негодованием отвергали наши предположения, что это действует *та же* сила, которая проявляется и на спиритских сеансах. Они, как я уже, кажется, говорила, от всей души презирают эти медиумические силы! Они убеждены, что «когда в них не обман, то *непрерывно* очень дурные, злобные и опасные для людей элементы». Когда г. Леймори³⁰, издатель «Revue Spirite», прислал нам билеты на еженедельные субботние сеансы самого ныне сильного в Париже медиума, m-me Babelin, Елена Петровна умоляла нас не ездить туда, «не осквернять себя общением с такою нечистью!»... Накануне она имела продолжительный диспут с Леймори по этому поводу. Он заехал посидеть с ней как со старой своей знакомой и рассказывал о своих последних опытах. У них почти нет теперь *практических* занятий; все четверговые собрания заключаются в чтениях, в диспутах и в сообщениях о слышанных или испытанных членами об[щест]ва спиритов фактах медиумических проявлений. Очень редко кто-нибудь из присутствующих медиумов берется за карандаш, но, по заявлению самого Леймори, ничего достойного внимания из этой «психографии» (так г-жа Блаватская назвала писание медиумов) не выходило уж очень давно. Сеансы совсем не удаются!.. У m-me Babelin он тоже ничего замечательного не видал... «Так, какие-то

---

³⁰ Леймари Пьер Гаэтан (Leymarie, 1817–1901) – французский спирит, издатель журнала «Le Revue Spirite».

фосфорические пятна являются в темноте; иногда *кто-то* поиграет на гитаре... Иногда что-нибудь переместится из мебели... Но ничего из ряда вон!» – говорил г. Леймори. Но тут же прибавил, что на днях один господин и жена его со слезами ему рассказывали, что *m-me Babelin* вызвала их недавно умершую дочь. Что они «*совершенно счастливы теперь, убедившись, что дочь их жива*», потому что они не только видели ее, но и говорили с ней...

– То есть они говорили с тем, что приняло на минуту образ их дочери! *В чем* сила их собственного желания заставила их видеть их умершую дочь! – с убеждением заметила Блаватская.

И так красноречиво начала доказывать самообман этих бедных людей и шарлатанство, – быть может, и произвольное в этом случае «страдательного звена» между живыми людьми и дурными силами, элементариями³¹ медиума, – что почтенный наследник дела и состояния Аллана Кардека должен был смолкнуть...

II

В продолжение нашего пребывания у г-жи Блаватской нам, да и всем ее окружающим, беспрерывно приходилось замечать, что она как бы читает в мыслях приближающихся к ней особ. Говоря с нею, весьма часто не приходится еще высказать вопроса или замечания, как она уже дает на них прямые ответы. Иногда она посмотрит внимательно на кого-нибудь, на задумавшегося, совсем постороннего ей человека, чувства и помышления которого не только не могут ее интересовать, но даже не могут быть ей известны, и вдруг прямо заговорит с ним именно о том, что его в данную минуту занимает. Такие случаи вначале нас очень поражали, но впоследствии мы перестали даже обращать на них внимание, – так часто они повторялись. Я спрашивала много раз Елену Петровну: как это делается? *Видит* она мысли, как *мыслевидцы* Кемберланд³² или Юэн³³, что ли?.. Или догадывается по выражению лиц?.. Она смеялась, отвечая, что по выражению можно догадываться, только сколько-нибудь зная человека, или то, о чем он говорить желает; а у нее является знание его мыслей и ответ на них совсем неожиданно, *par intuition*³⁴, без малейшего со стороны ее мыслительного усилия. Кемберланду необходимо зорко всматриваться в человека; надо, чтоб человек этот сосредоточился на каком-нибудь материальном предмете, и тогда только, с большим умственным усилием и то не всегда верно, он называет этот предмет. Юэн же опять другое дело! Он видит *направление* мыслей людей *по лучам*, исходящим из голов. Это у них семейный, особый дар ясновидения: отец его видел тоже, но боялся сознаться в этом странном даре, опасаясь, что его сочтут сумасшедшим. Сын не стесняется своей способностью. Он не имеет ни охоты, ни нужды утилизировать³⁵ ее, как Кемберланд, обративший свой дар в статью дохода, но всегда охотно доказывает ее опытами, по просьбе своих друзей. Юэн – ирландец, плантатор чая в Калькутте и давно член теозофического общества. Теперь он был в Лондоне. Полковник Олкот возил его на заседание тамошнего психического общества (*Soc[iété] pour les recherches Psychiques*³⁶), где он подробно объяснял, что видит совершенно ясно яркий луч света,

---

³¹ «Элементарии. Строго говоря, это развоплощенные *души* развращенных; эти души, еще живя на земле, отделили от себя свой божественный дух и тем самым утеряли свой шанс на бессмертие; но при настоящем уровне знаний считается лучше относить этот термин к привидениям или фантомам развоплощенных личностей, вообще к тем, чьим временным обиталищем служит камалока. Элифас Леви и некоторые другие каббалисты делают мало различия между духами-элементариями, “бывшими людьми”, и теми существами, которые населяют стихии и являются слепыми силами природы. Однажды отделившись от своих высших триад и своих тел, эти души остаются в своих *камарупических* оболочках, и неодолимо притягиваются к земле, к элементам, родственным их грубым натурам. Их пребывание в камалоке разнится по длительности, но неизменно кончается распадением, растворением, словно столб дыма, атом за атомом, в окружающих элементах» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 472).

³² Кемберленд Стюарт (Cumberland, 1857–1922) – английский чтец мыслей, писатель.

³³ Об опытах с Юэном (E.D.Ewen) см.: *Олькотт Г.С.* Листы старого дневника. Выпуск третий (1883–1887). Глава XI. Реальность телепатии. Лондон, 1904. С. 139–150.

³⁴ по наитию (*фр.*)

³⁵ использовать с пользой (*лат. utilis* полезный).

³⁶ Общество психических исследований (*фр.*).

направляющийся из головы людей в ту сторону, где находится предмет, о котором они думают. Если предмет близок – луч прямо на нем останавливается; если далек – он расплывается в пространстве. Тогда Юэн может только указать его направление, но не самую вещь. Опыты производились во множестве и всегда успешно. Двое сговаривались, взявшись за руки, дать знак друг другу пожатием руки в минуту, в которую оба должны были сосредоточить свои помыслы на одном и том же предмете, разумеется, на него не глядя; но так как мысли обоих невольно стремились к этому предмету заранее, то они не успевали еще пожать рук, как Юэн уже говорил: «Вы думаете о том-то!» Свет, стремившийся произвольно из их мозговых полостей, выдавал их. Юэн постоянно видит сияния вокруг человеческих голов; но, разумеется, не может говорить, о чем они думают, когда их мысли неопределенны или касаются отвлеченных вещей³⁷; Е.П.Блаватская ничего не видит, но знает часто самые отвлеченные и неопределенные помышления окружающих ее лиц. Раз у нее было много посетителей, шел общий оживленный разговор, когда она вдруг обратилась к одному, только что приехавшему и еще не промолвившему ни слова и сказала:

– Вы напрасно об этом думаете: это *так скоро* невозможно! Сколько людей добиваются увидеть их годами преданнейшей службы делу и с трудом достигают.

Оказалось, что этот господин всю ночь мечтал о возможности увидеть у *себя* одного из таинственных учителей; удостоиться посещения с высот Гималаев какого-нибудь махатмы в астральном его теле, и приехал, собственно, за тем, чтоб спросить: возможно ли ему надеяться?..

В другой раз одна русская дама молча вспоминала очень малоизвестные стихи, как вдруг Елена Петровна, взглянув на нее, произнесла эти стихи сполна, прибавив:

– Что это предо мной промелькнуло за четверостишие?.. Откуда это?..

В другой раз она прямо назвала фамилию человека, о которой пришли к ней осведомиться, не дав времени пришедшему открыть рта. И так беспрестанно! Часто о самых вздорных вещах: она их прямо называла, давая ответы, едва сознательный вопрос мелькал в чьем-либо уме.

– Я сама не знаю, как это делается! – говорила она, и мы сами иногда замечали, что она заговаривает именно о вещах, о которых с ней собирались заговорить, даже не сознавая, что так верно попадает на предположенную тему.

– Откуда вы это знаете? – спросишь ее.

Она засмеется.

– Мне сказали!.. Знаю.

Раз она очень удивила нас. Говорили о громадных знаниях ее, о памяти; изумлялись, откуда она могла достать все книги и рукописи, служившие ей материалом для ссылок в ее *«Изиде»*.

– *Мне* это не было особенно трудно, – сказала она, – я всегда имела перед собой весь материал, все сочинения, которые были мне нужны... Спросите Олкота и других: я не скрывала!.. Все видели фолианты и старые пергаменты, с которыми я справлялась.

– Вы их брали в Нью-Йоркской публичной библиотеке?

Она опять засмеялась, пожала плечами и начала перелистывать одну из книг своей *«Изиды»*.

– Вы, может быть, читали нужные вам сведения в *астральном свете*? – спросила одна особа не без насмешливого намерения.

– Да, – серьезно отвечала Блаватская, – многое я просто *стисывала*, видя это перед собою. А не то – наводила справки по книгам, которых в Нью-Йорке, положим, нет, но которые мне доставляли... Вот, посмотрите: вот указания на средневековые сочинения, которые только и сохранились в Ватикане, – она указала на некоторые выноски и примечания в своем сочинении. – Я ведь указываю на них, называя том, главу и страницу... Откуда я их знала?.. Я в глаза их не видывала! Да если б и видала, разве возможно запомнить?..

---

³⁷ О заседании Общества психических исследований, на котором присутствовал Юэн, см.: Приложение III // Первый отчет комитета Общества психических исследований, назначенного для расследования доказательств необыкновенных феноменов, представленных некоторыми членами Теософского общества. Лондон, 1884. С. 75–81.

³⁸ В течение прошлого месяца английские газеты много трактовали о Юэне, в особенности «Telegraph»; редактор его Герберт Сток сам, при содействии Олкота, делал много опытов. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Сток Джон Герберт (1828–1892) – британский журналист, член Общества психических исследований.

Тут вмешался Олкот, вмешался американец Джедж³⁹, вмешалась мр-с Дидсон⁴⁰, знавшая Елену Петровну в Нью-Йорке.

Все они единодушно показывали, что очень часто видели на столе ее старинные фолианты, которые появлялись, когда ей были нужны, и потом исчезали бесследно...

Это казалось нам (и кажется) невероятным! Подобием волшебной сказки, – не правда ли? А между тем... Свидетельства стольких лиц... Наконец, положим, – все эти свидетели обманщики или обманутые, – прекрасно! Но как объяснить себе верность сотен ссылок на самые редкие и драгоценные издания, большинство коих составляют библиографические редкости? Ссылок, которые щедро рассыпаны по сочинению, написанному *в полтора года* в Нью-Йорке, где этих изданий нет и не бывало? Написаны эти два толстейших тома особой, не получившей никакого предварительного приготовления к такому ученому труду (это-то уж мы хорошо знаем!), никогда не отличавшейся особенной исторической эрудицией или памятью. Меньшие труды занимали десятки лет в жизни ученых людей; а это в 18 месяцев написала женщина, не имевшая никаких средств добывать материалы и сведения обыкновенными путями: выпиской книг, путешествиями, свободным доступом в те хранилища, где находятся источники, на которые она указывает без запинки. Ведь будь малейшая погрешность в ее ученых указаниях, ею сейчас бы воспользовалось многое множество ее антагонистов! Ведь эти антагонисты, на которых более всего направлены все обвинения г-жи Блаватской, никто иные, как иезуиты! Ученое католическое духовенство, в руках которого все библиографические драгоценности Ватикана! Разве они бы не поспешили ими воспользоваться, чтоб уличить обман, чтоб забрызгать грязью имя женщины, осмелившейся так жестоко оскорбить их, как их оскорбляет Блаватская в своей «Разоблаченной Изиде»⁴¹?..

Воля ваша, чем больше размышляешь, тем больше возрастает недоумение и приходится согласиться с нашим романистом В.С.Соловьевым, сказавшим, что, по его мнению, «величайший и самый необъяснимый феномен г-жи Блаватской – это ее “Изида”»⁴²!.. Уезжая из Парижа, мы оставили г. Соловьева за прилежным чтением ее книги по рукописи французского перевода, который готовится к печати стараниями г. Леймори.

Несмотря на множество дел, на литературные занятия, которым Елена Петровна должна, по необходимости, посвящать половину дня⁴³; на громаднейшую переписку – и деловую, и с множеством лиц, обращающихся к ней за сведениями, за советами (а другие и просто с восторженными похвалами ее литературным трудам – последних писем она, да будет это известно ее праздным поклонникам, даже и не дочитывает!), она каждый вечер проводила в своей гостиной с нами и множеством посетителей, от которых она в течение дня всячески старалась избавиться. Большинство их были члены общ[еств]а или люди, интересующиеся теозофией. Все почти серьезные, убежденные седины люди: профессора, доктора медицины или философии, ученые или писатели. Между ними часто встречались люди с громкой репутацией, как, например, Фламарион⁴⁴, часто заезжавший в неказистую, маленькую приемную ул. Notre Dame des Chaps «по влечению», как он весело уверял, а отнюдь не по долгу службы как теозофист. Вообще, здесь бывало множество интересных личностей и смешение языщей ужасное; представители всех наций и всех профессий лишь увеличивали общий интерес этих собраний, которые хозяйка оживляла

---

³⁹ Джедж Уильям Куон (Judge, 1851–1896) – американский адвокат, писатель, один из основателей Теософского общества, с 1886 г. генеральный секретарь американской секции Теософского общества.

⁴⁰ Дитсон (G.L.Ditson).

⁴¹ Речь идет о главе «Иезуитство и масонство» во втором томе «Разоблаченной Изиды».

⁴² Вс. Соловьев писал В.П.Желиховской 7/19 июля 1884 г.: «Читаю вторую часть “Изиды” и совершенно убеждаюсь, что это феномен» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87).

⁴³ Она живет своими трудами, помимо заработков по изданию журнала «Theosophist», которые целиком поступают в общество. Вообще основатели его, г. Олкот и г-жа Блаватская, – совершенные пролетарии. И труды свои, и достояние, и самую жизнь – они все отдали делу теозофии. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴⁴ Фламарион Камиль (1842–1925) – французский астроном, интересовался сверхординарными явлениями природы и парапсихологией, собрал много феноменальных случаев в своей книге «Неведомое»; автор широко известных книг «Множественность обитаемых миров», «Обитатели иных миров» и др.; автор романов «Стелла», «Урания», «Конец мира», «Люмен»; член Теософского общества; часто и продолжительно общался с Е.П.Блаватской.

своими остроумными речами, а порой, когда бывала в духе, и какой-нибудь иллюстрацией из ряду вон. Так, раз ей вздумалось попросить старого безрукого ветерана американской службы, генерала, фамилии которого не помню, профессора-ориенталиста Vinsent, известную американскую писательницу мр-с Голлоуэй⁴⁵, одного русского князя и доктора философии Р.Тюрмана⁴⁶, швейцарца, сложить руки свои на столе, одна на другую, и, подняв свою собственную правую руку, сделала над этой грудой рук жест, будто бы что-либо бросает в нее... Все они вздрогнули и разом выдернули руки. Им показалось, что их пронзили ножом или стрелой!.. В другой раз она забавляла нескольких пришедших к ней за сведениями по части «натуральных феноменов» новых членов об[щест]ва, юных педагогов, тем, что они под руками ее чувствовали, как бы электрические удары внутри себя: в голове, в груди. Потом она положила свои руки на плечо одного из них, уверяя, что он и сам сделает то же⁴⁷. И точно, пока она не снимала своих рук, молодой человек, махая кистью руки над столом, заставлял дерево издавать глухие стуки точно так, как делывала сама Е[лена] П[етровна], только у нее эти стуки бывали гораздо резче и громче...

Много слышали мы рассказов очевидцев и сами видели много удивительных опытов магнетизма. Кроме самого Олкота у нас бывали многие присяжные магнетизеры; в особенности один очень интересный старик, некто Эвет, друг и воспитанник известного барона Дю Поте⁴⁸, – этого волшебника и мага, дивившего своими магнетическими чудесами всю Европу лет 15–20 тому назад. Эвет – скромный, учтивый, милейший старичок старой французской школы, ныне совсем исчезающей, много занимал нас своими удивительными рассказами и сам показал себя очень сильным магнетизером. На глазах у всех нас под его легкими пассажами словно растаяла у Е.П.Блаватской большая гланда на щеке, очень заставлявшая ее страдать. Доктора говорили, что она не пройдет ранее недели, а Эвет в течение десяти минут заставил ее *исчезнуть бесследно*⁴⁹. Он

---

⁴⁵ Холлоуэй Лора (Holloway, 1848–1930) – американская писательница и журналистка.

⁴⁶ Robert Thurman.

⁴⁷ М-г Olivier, licencié en sciences, Richet, du col[lège] Louis le Grand <Г. Оливье, лицензиат, Рише, из кол[леж]а Людовика Великого, *фр.*>, и другие. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴⁸ Дюпоте Жюль Денис (Du Potet, 1796–1881) – французский магнетизер, писатель, автор трудов о лечении магнетизмом.

⁴⁹ «Одна пожилая дама [Н.А.Фадеева], наша родственница, известная некоторым теософам, рассказывает о своем исключительном опыте, который стоит того, чтобы быть занесенным в анналы истории лечения с помощью животного магнетизма. Она пишет:

“Я расскажу тебе сейчас странный случай. Возможно, ты помнишь, что более пяти лет до моей встречи с тобой в Париже (в 1884 г.) я почти постоянно страдала от жестокой боли в правой руке. Был ли это ревматизм, невралгия или что-нибудь еще, я не знаю, но помимо большой физической боли, я чувствовала, что моя рука с каждым днем становилась все более слабой, когда, просыпаясь утром, едва могла ее поднять или даже двигать ею. Меня пугала мысль о возможном параличе в будущем. Потом я приехала в Париж. Ты также помнишь пожилого джентльмена небольшого роста по имени г. Эветт, гипнотизера, который пытался вылечить тебя гипнозом, но безрезультатно. Думаю, именно ты предложила ему попробовать вылечить мою руку от боли и должна помнить, что с того вечера, когда он впервые сделал несколько пассов от правого плеча вдоль руки, я почувствовала некоторое облегчение. Затем он посещал нас регулярно каждый день в течение некоторого времени и никогда не забывал гипнотизировать мою руку. После пяти-шести *сеансов* рука полностью излечилась, вся боль ушла, слабость тоже, до такой степени, что моя правая рука неожиданно стала сильнее, чем левая, которая никогда не доставляла мне никаких неприятностей. Вскоре мы расстались. Я вернулась в Одессу и больше никогда не чувствовала боли в этой руке с того момента и вплоть до настоящего Нового Года, т.е. в течение четырех с половиной лет. Скоро я забыла и думать о моих прошлых страданиях.

Но вдруг! 1 января 1889 г. неожиданно к своему неудовольствию я обнаружила, что моя правая рука опять начинает болеть. Сначала я не придавала этому значения, подумав, что все скоро пройдет. Но боль не проходила, я снова начала ощущать свою руку наполовину ослабленной, и однажды обнаружила, что она снова в том же состоянии, как и почти пять лет назад. Все же я еще надеялась, что это небольшое ухудшение, которое скоро пройдет. Однако не прошло, но стало еще хуже. Мое разочарование в возможностях гипноза было полным и окончательным, я тебя уверяю. До этого я жила с представлением, что гипноз помог мне раз и навсегда, но обнаружила, к горькому сожалению, что в моем случае это продлилась всего лишь четыре с половиной года!..

Таким образом я страдала до конца месяца, пока в один прекрасный день не получила январский номер “*Revue Spirite*”, на который я была подписана и продолжаю выписывать его до сих пор. Я проглядывала журнал, и вдруг мои глаза остановились на следующих строках колонки “*Некрологи*”: “15 января текущего года было предано земле тело

привез нам книгу Du Potet, очень редкую, о магии и подтверждал как ежедневный очевидец все чудесные превращения, описанные в ней. Как барон Дю Поте превращал в магнетическом сне во время опытов юношу – в дряхлого старика; пожилого человека молодил; из девятилетнего ребенка делал карлика; приводил серьезных людей в бешеный экстаз или в отчаяние с помощью «магического зеркала» и пр. Дю Поте сам подарил ему свою книгу и надписал на ней благодарность за то, что Эвет один умел его успокаивать и *давать ему сон* во время его мучительной предсмертной болезни. На выраженное нами изумление насчет редкости этого издания и трудности достать его, он возразил, что такие *опасные вещи* невозможно делать популярными: не дай Бог, чтоб власть магнетизера «*во всей ее силе* попала в дурные руки». «Вы и представить себе не можете, сколько мы можем наделать бед при злом желании!» – говорил он. И в доказательство приводил примеры, какой безграничной властью пользуется магнетизер над своим субъектом. Как, по воле Дю Поте, самые скромные девушки, во время сна, обращались в пьяных гетер; как «субъекты» повиновались приказаньям и воле его и после, *вне сна*; как, наконец, он сам, Эвет, много раз заставлял своих субъектов слепо исполнять его волю, что бы он ни приказывал им. Была у него сомнамбулка Роза Эвре, простая безграмотная девушка (безграмотность не помешала ей, *во сне*, написать несколько прекрасных стихотворений, которые были напечатаны в «Психологическом журнале»); эту Розу Эвре он, в продолжение многих лет, мог по своей воле, силой одного желания вызывать, где бы ни была она. Она бросала все и шла к нему, инстинктивно или ясновидением узнавая, *где он*; много раз он держал по этому поводу пари и всегда выигрывал: Роза везде его находила, куда ни скрывался он по указаниям своих антагонистов. «В другой раз, – говорил Эвет, – одна молоденькая дама смеялась надо мною, когда я говорил о своей магнетической силе. Я только что помог одному больному: остановил развитие слепоты, когда от него отказались уже доктора. Дама спросила меня: могу ли я точно также и ослепить, как и даровать зрение? Я не воздержался от злого движения: пожелал ей ослепнуть, и в ту же минуту ей свело веки так, что она не могла открыть глаз. Она перепугалась и я не меньше ее!.. Разумеется, я тотчас же поправил дело несколькими пассами; но представьте себе, что могло бы выйти, если б я был злопамятный, мстительный человек!.. Меня, в числе еще нескольких человек, барон Дю Поте посвятил во все тайны этой науки: он верил, что мы ее не употребим во зло! Но не дай Бог, чтоб они стали известны злонамеренным людям!» Другие рассказывали нам про Эвета, что он излечивал многих очень труднобольных и всегда помогает всем беднякам,

---

господина Генри Эветта, известного гипнотизера⁷. Я погрузилась в скорбные мысли по доброму старику, совершенно очевидно, что это был тот самый человек, которого мы знали <Г. Г.Эветт в течение многих лет был связан с Теософским обществом и был одним из его старейших членов, хотя больше спиритом, чем теософом. Он был учеником покойного барона Дюпота и действительно успешным целителем. – *Примечание Е.П.Блаватской*>, как вдруг меня пронзила неожиданная мысль. 15 января по новому стилю – это 3 января в России. Если его похоронили в этот день, тогда он, должно быть, умер 1 января или в какие-то эти числа, так как во Франции, как и везде, людей редко хоронят раньше третьего дня после смерти. Должно быть, он умер в канун Нового года, *точно в тот день, когда моя давно забытая боль вернулась в ту самую руку*, которую он так успешно вылечил несколько лет назад? “Какое поразительное совпадение!” – подумала я. Я была поражена, поскольку это не могло быть простым совпадением. Как это можно объяснить? Не значило ли это, что те самые гипнотические *пассы* оставили в моей руке некоторые невидимые частицы целебного флюида, который не давал боли вернуться, и, в общем, способствовал здоровому кровообращению в ней, следовательно, ее здоровому состоянию? И в тот самый день смерти гипнотизера (кто знает, возможно, даже в тот самый час) эти таинственные частицы внезапно покинули меня! Куда же они подевались? Вернулись ли они к нему и к своим, в настоящий момент уже безжизненным сестрам-частицам? Унесли ли они, предав свое дело, или просто исчезли, потому что жизненная сила, которая держала их в моей руке, ушла? Кто может знать! Если бы я могла пообщаться с опытным гипнотизером, или с тем, кто знает об этом все, он ответил бы мне и предложил какие-нибудь объяснения. Известны ли подобные случаи, когда смерть гипнотизера становилась причиной возвращения тех болезней, которые он излечил, в прежней форме у больных, переживших гипнотизера, или это первый случай? Это общий закон или исключение из правила? Мне кажется, что этот случай с моей рукой представляет значительный интерес с точки зрения исследований в области гипнотического лечения...” <Мы сомневаемся, что подобный прецедент может быть найден в анналах гипнотического магнетизма, хотя с уверенностью не можем этого утверждать. Мы считаем, что объяснить этот случай можно только с помощью оккультизма. – *Примечание редакции журнала «Люцифер»*>> (Странный гипнотический феномен // *Lucifer*, 1889, т. 4, №20, апрель. С. 153–154. Перевод с англ. Е.Е.Корчемкиной).

которые к нему приходят. Он то, что называется *сенситивный* медиум-магнетизер. Он при входе в дом сейчас чувствует, если в нем есть больные; а начиная лечить, *идентифицируется*⁵⁰ с организмом больного так, что сам чувствует его страдания. Я сама убедилась в том, что его руки во время магнетических пассивов постепенно холодели, как лед, тогда как больной чувствовал в магнетизируемом члене необыкновенный жар, который как бы исходил из его пальцев и разливался по всему организму больного. Он несколько помог при нас от ревматических и других страданий.

Раз утром мне пришлось присутствовать при магнетическом сне одной очень хорошенькой молодой женщины. Я вернулась из Лувра и застала в нашей гостиной большое собрание: Олкот выдавал членские свидетельства нескольким лицам, вновь поступившим в теозофическое общество, а покончив, усыпил по просьбе профессора медицинской школы Вагнера его жену. Ее долго прежде лечили магнетизмом и она оказалась ясновидящей, но для своего здоровья мало вынесла пользы. Муж ее просил полковника Олкота узнать, если можно, чем надо ее лечить?.. Для того чтоб узнать что-нибудь положительное, надо было испытать ее сомнамбулические силы, и вот человек десять присутствовавших стали свидетелями чрезвычайно интересной сцены. Магнетизер заставлял спящую m-me Вагнер путешествовать с ним по всем странам, куда обращались его собственные мысли. Так, она описывала все, что видела сначала в тропических странах: каких-то дикарей, которые разрабатывали черную, заросшую лианами землю, жарили дикую козу на костре под огромными деревьями и говорили на каком-то непонятном языке, слова которого она слышала явственно и силилась повторять. Потом Олкот перенесся мысленно в полярные страны, и спящая немедленно сказала, что она летит, несется куда-то далеко, и вдруг начала говорить, что ей холодно, и описывать грандиозные картины вечных льдов, снежных пустынь и полярных сияний... Это было очень эффектно!.. Наконец, он обратил ее внимание на то, что делалось *здесь же*, за тремя запертыми дверями, в комнате Е.П.Блаватской, здесь не присутствовавшей... Сомнамбулка тотчас же устремила свое внимание за три стены и безошибочно рассказала, что там делалось. Я сейчас же пошла туда, чтоб ее проверить, и вполне убедилась в истине ее показаний. Полковник нашел, что магнетизер, пользовавшийся г-жу Вагнер, злоупотреблял ее силами, слишком развивая ее ясновидение на посторонних вещах. Он посоветовал оставить это лечение, а пользоваться ее просто гигиенической жизнью на чистом воздухе, усыпляя ее иногда ради отдыха, но никак не изоощрять ее ясновидения.

В Париж к концу июня ожидали приезда известного магнетизера Робера⁵¹. Его знали давно; еще 20 лет тому назад он был там со своим ясновидящим сомнамбулом Никола Шараве, который потом его оставил ради выгодных предложений какого-то американца. Он долго не мог найти себе хорошего ясновидящего, наконец, месяца три тому назад убедился в способностях одного юноши, некоего м-сье Эдуара. Этот Эдуар одарен характером недюжинным: тринадцати лет отроду он оставил в Швейцарии родительский дом, где его обижали, с двумя франками в кармане, и один сумел себя содержать и даже до некоторой степени образовать. Последние года четыре он учился фармацевтике, мечтал поступить в университет, но за недостатком средств не мог еще исполнить своей мечты. Робер знал его давно, но всего несколько месяцев как он совершенно неожиданно убедился в его сомнамбулических способностях. Оказалось, что в семье их это наследственно: дядя Эдуара был натуральным сомнамбулом и сам он много раз, еще в детстве, вставал по ночам и во сне делал далекие прогулки. Когда, поселившись с ним, Робер это заметил, он, боясь за него, но в то же время считая вредным для здоровья будить его, воспользовался открывшимся в Эдуаре даром ясновидения и, заставляя его глубже засыпать, приказывал ему самому определять, не встретятся ли ему в его ночной прогулке опасности; Эдуар всегда предвидел верно. Если он выражал сомнение, магнетизер сам следовал за ним и предупреждал предсказанную им опасность. Часто ему было трудно, а иногда и невозможно следовать за спящим, для которого не

---

⁵⁰ идентифицируется (*фр.* identifier).

⁵¹ Robert.

См.: Магнетизер Роберт // Ребус, 1883, №5; *Олькотт Г.С.* Листы старого дневника. Выпуск третий (1883–1887). Глава VII. Феномены и исцеление в Ницце. Лондон, 1904. С. 79–89.

существовало препятствий. Тогда он пользовался своей властью над ним и его останавливал силою воли... Власть Робер имеет над ним неограниченную и вне сна заставляет его забывать действительность и верить чему угодно. Так он, для опыта, несколько времени заставил его вообразить, что его зовут Пьер и совершенно забыть свое истинное имя. Во время сна Эдуар приобретает такую необычайную силу, что с ним невозможно сладить никому, кроме его магнетизера. Чтобы тот с ним ни делал, Эдуар не чувствует ничего: обжоги, уколы Робера на него не действуют. Но раза два во время сеансов с Эдуаром, помимо воли магнетизера, случались очень странные вещи, заставившие его сильно страдать. Так, раз он закричал, что на него бросается зверь, кусает его. Он бегал по комнате, прятался с явными признаками страха; наконец, закричал, отдернув руку, оказавшуюся в крови. Рана, носившая следы зубов, будто бы от укушения острыми резцами, долго не заживала и болела, а следы от нее ясно видны и теперь, и, вероятно, останутся навсегда. Есть на левой руке Эдуара, повыше локтя, и другой след раны или, вернее, стигмата, также нанесенного ему во время магнетического сна, гораздо более удивительный и оригинальный. Рассказывали нам об этом случае очевидцы, и знак этот мы сами видели; три недели спустя, когда Эдуар приехал в Париж, он был ясно виден еще. Случилось это в конце мая, в Ницце, тотчас после отъезда оттуда полковника Олкота и г-жи Блаватской⁵². Магнетизер и его субъект, во время пребывания основателей теозофического общества в Ницце нынешней весной, вращались много в их кругу и, по отъезде их в Париж, оставались среди их последователей, потому что Эдуар лечил сына одной дамы, принадлежавшей к обществу. Раз вечером они были у нее вместе с несколькими гостями; Робер усыпил Эдуара среди говора о теозофистах и тот начал немедленно выказывать все признаки беспокойства. Он будто боролся с кем-то, от кого-то отбивался, говорил, хватаясь за руку, что он не согласен, что ему не нужно этого знака... Кончилось дело тем, что он схватился за левую руку, крича, что ему больно, прося разбудить его; но когда его разбудили, он продолжал жаловаться на боль, снял сюртук и ко всеобщему изумлению на его теле, пониже плеча, оказался сине-багровый знак, совершенно отчетливо изображавший теозофическую печать. Рука долго болела, так что Робер должен был ему магнетизировать ее для успокоения боли. Не мы были свидетелями этого весьма странного происшествия, но одна из видевших его особ, одесситка, А.Я.Г[емерлей]⁵³, которую я не называю полным именем только потому, что забыла попросить о том позволения. Впрочем, я уверена, что по возвращении ее в Одессу она сама подтвердит свои показания.

В утро 12 июня Эдуар, едва приехав в Париж, явился к нам рано утром, чтоб определить болезнь Е.П.Блаватской и сестры ее и прописать им (во сне же) лекарство. Он был очень тревожен в это утро, потому что видел себя всю ночь окруженным трупами умерших от какой-то эпидемии.

– Я так ясно их видел, – рассказывал молодой человек, – их было всего 17 трупов. Я убежден, что где-нибудь откроется эпидемия!.. У меня такие видения даром не проходят!

В тот же день нас достигло первое известие об открывшейся в Тулоне холере. Телеграф, а на следующий день и газеты гласили, что в эти сутки умерших холерных было *семнадцать* человек. Не знаю еще, верное ли средство от болезни Эдуар прописал г-же Блаватской и сестре ее, но достоверно знаю, что описанные им симптомы их страданий, их болезненные ощущения и следствия их были им описаны с удивительной верностью и подробностями самыми точными. Слышала я также, что в Ницце он совершенно излечил девочку, Терезу Моссо, страдавшую падучей болезнью в неделю раза по два. Вот три месяца, что припадков нет; но Эдуар уверяет, во сне, разумеется, – что они к ней вернуться еще и повторятся раз через год и другой раз через четыре года, а потом окончательно ее оставят.

Родные ребенка убеждены, что его слова совершенно верны и сбудутся; они для этого времени готовятся выписать Роберта с его ясновидящим или сами приехать туда, где они будут.

---

⁵² 11 марта 1884 г. Е.П.Блаватская прибыла в Марсель из Бомбея, затем отправились в Ниццу, где проживала с 15 по 27 марта, а 28 марта приехала в Париж.

⁵³ Гемерлей (Гемерле, Næmmerle) Агата – теософ из Одессы, «дама высокой культуры, потрясающий лингвист, которая вела регулярную переписку с половиной известных европейских ученых, посвятивших свою жизнь исследованиям в области психологии» (*Олкотт Г.С.* Листы старого дневника. СПб., 2015. С. 261).

III

Доктор Комбре, ученик и ныне один из помощников доктора Шарко⁵⁴ по его трудам в Сальпетриере (что не мешает ему вместе с тем быть очень деятельным членом теозофического об[щест]ва), предложил нам съездить с ним в больницу эту⁵⁵, осмотреть ее и быть свидетелями магнетического сна m-lle Blanche Witmann⁵⁶, одной из лучших сомнамбул настоящих опытов Шарко. Ровно в полдень карета наша, где сидели Олкот, американец Джедж, Комбре и я, остановилась, не доезжая моста у бывшей площади Бастильи на небольшой площадке, среди которой возвышалась еще закрытая холстом статуя. Это памятник Филиппу Пинелю⁵⁷ – освободителю несчастных умалишенных женщин, которых прежде содержали в Сальпетриере закованными в цепи. Прошли три или четыре двора, усаженных деревьями, огромных, как площади, обнесенных высокими каменными стенами. Кругом первого – старинные здания, громадные ворота, глубокие входы и выходы, у которых безмолвно похаживают сторожа. Это пока богадельни и больницы; да вот еще поросшая мхом и плесенью тюрьма, где когда-то изнывала в заключении Manon Lescaut⁵⁸! Мы прошли под ворота и через какое-то здание, мужчины налево, а я направо, и там насилу убедили привратницу пропустить меня далее. Здесь кончался сравнительно свободный пропуск и начинались строго охраняемые помещения душевнобольных. Сначала спокойных... Вот они, все больше женщины да несколько стариков, гуляют по прямым, бесконечным аллеям сада или, скорее, засаженного деревьями двора, где зелень только сверху, а все они всегда и везде на виду у сиделок и сторожей... В следующем дворе нас повели направо в одноэтажное низкое здание, где мы очутились в просторной зале. Налево – скамьи амфитеатром, направо – нечто вроде сцены, с различными приспособлениями для электрического света, для более эффектной выставки *субъектов*, а вместо задней декорации – во всю стену картина, изображающая того же доктора Пинеля, окруженного «благодарными сумасшедшими», которые освобождаются от оков и целуют ему руки... Это и есть знаменитый театр опытов д[октора] Шарко, где происходят все эмувантные⁵⁹ эпизоды с женщинами, подверженными гипнозу и «великой истерии». Отсюда мы прошли коридорами [во] внутрь здания через приемную, где множество посетителей сидело в ожидании «своих». Несчастных больных выводили и вывозили на креслах сестры милосердия и надсмотрщицы. Это было женское отделение. Одну несчастную, с истомленным лицом и блуждавшими беспокойно глазами, даже внесли на носилках, к которым она была притянута поперек тела широкими ремнями... Нам сказали, что она была довольно спокойная больная, только одержима манией самоизбиения и самоубийства. В лежачем положении желание с собою покончить или себя истязать не так сильно ее мучило, потому ей почти не позволяли вставать. Во всех углах раздавались вздохи, жалобный шепот, сдержанный плач... Зрелище было слишком тяжелое, чтоб мы там оставались более двух-трех минут!.. И вот мы снова на чистом воздухе, в тени правильно посаженных деревьев и в следующем здании, оказавшемся электрической лечебницей. Тут, в довольно большой зале нижнего этажа, работали неустанно колеса и ремни, а в среднем, на возвышении, в два ряда сидели приходящие больные, лечащиеся электричеством. Некоторых сильно подергивало; другие спокойно читали газеты и заявляли, что чувствуют себя превосходно.

– Это как бы электрические ванны! – объяснил нам Комбре. – Дотроньтесь концом пальца до края стула, – вы почувствуете ток.

---

⁵⁴ Шарко Жан-Мартен (1825–1893) – французский врач-психиатр.

⁵⁵ 7 июня 1884 г.

См. также: В Сальпетриере // Новости и биржевая газета, 1886, №323.

⁵⁶ Витман Бланш (Witmann, 1859–1913) – пациентка Ж.-М.Шарко.

⁵⁷ В тексте статьи: Кинел[ю].

Пинель Филипп (1755–1826) – французский психиатр.

⁵⁸ Манон Леско (*фр.*) – героиня повести французского писателя А.Ф.Прево (1697–1763) «История кавалера де Грие и Манон Леско».

⁵⁹ волнующие (*фр. émouvants*).

Сотрясение было очень сильно при малейшем прикосновении даже к платью больных; а когда доктор проводил своей электрической багеткой над головами некоторых пациентов, из волос их фейерверком сыпались искры.

Из этой залы мы вышли в 5-й небольшой, очень тенистый и пустынный дворик. Только одна какая-то бледная старушка сидела на дальней скамеечке и быстро что-то перебирала пальцами и что-то самой себе шептала. Она нас совсем не заметила...

– Ici nous sommes dans le sanctuaire, où on ne laisse même pas entrer tout le personnel⁶⁰! – сказал нам доктор и вызвал старушку-надзирательницу, без которой и его бы не пропустили в тот печальный приют конвульсий, гипнотизма и безумия, куда мы пробирались. Надзирательница, проходя мимо больной женщины, остановилась, поправила ей волосы, нависшие из-под белой косынки, чего та тоже, казалось, совершенно не заметила, и, гремя ключами, ввела нас в сени, откуда шла лестница в музей, но мы прежде вошли в небольшую комнату, всю увешанную огромными фотографиями безумствующих женщин в самых ужасных позах. Искривленные страданиями лица, изогнутые в конвульсиях тела бросались в глаза отовсюду, а на лавке, за штопкой грубых чулок, сидела молодая девушка почти с таким же страшным лицом, как на картинах. Я сначала подумала, не это ли сама Blanche Witmann, которую мы желали видеть?.. Но нет: Комбре сказал нам, что это совершеннейшая идиотка, на которую эти ужасные изображения совсем не действуют. Мы вошли в собственный кабинет светила нынешней медицины.

Маленькая, очень маленькая комнатка в одно окно; стеклянная дверь в химическую лабораторию, рядом. Письменный стол с двумя, тремя склянками, с подушкой и воткнутыми в нее булавками всех величин, употребление которых мы узнали впоследствии... Шкафы с книгами, с формами мозгов – снимками с человеческого мозга в различных его болезненных фазисах; несколько картинок *le circonstance*⁶¹ по стенам, да на полках, на окне, по выступам шкафов все какие-то *разноцветные комочки*, вроде маленьких круглых сыров...

Вспомнив нечто, читанное мною об этом кабинете и этих расцвеченных кусочках, я смотрела на них подозрительно и оказалась совершенно права: это были образчики *настоящих* концентрированных мозгов различных сумасшедших, сохраняемых Шарко в таком виде для памяти... Приятные сувениры, нечего сказать!.. Из кабинета мы прошли, в ожидании пока приведут «спящую», в музей⁶², расположенный тут же, наверху. Это очень оригинальный, старинной постройки, продолговатый покой, в два света. В нем, прежде всего, бросается в глаза кровавый цвет его окраски.

Зачем это?.. Неужели это место, все его ужасные картины и модели, изображающие всевозможные, страшные, ужас наводящие своей реальностью недуги человеческие, само по себе не достаточно мрачно, чтоб еще окрашивать его стены, полы и столбы в цвет крови?.. Странная фантазия, но в ней есть суровая, своеобразная поэзия. Это действительно место, обогрешенное кровью многих злодеев и многих страдальцев!.. Нет, кажется, болезни, которая не была бы наглядно изображена в сальпетриерском музее, и, кроме недугов, здесь хранятся несколько экземпляров сохраненных в спирту мозгов казненных преступников.

Наш путеводитель уверял нас, что почти все эти убийцы и злодеи такие же маниаки⁶³, как и сотни субъектов, спокойно проживающих за стенами Сальпетриера...

Доктор Комбре оставил нас на минуту, чтоб осведомиться, можно ли нам присутствовать при опыте над сомнамбулой. Он вернулся минут через десять, приглашая нас за собою следовать, если мы желаем видеть процесс усыпления. Мы пошли с ним обратно в электрическую залу. Там, за соломенной ширмочкой, на слуху, если не на виду у всех лечащихся, происходило что-то странное: какая-то суетня, даже будто бы борьба... Какие-то не то сердитые, не то жалостливые стоны и тихие, будто бы детские вопли и плач. Я подошла и в углу, за главным, быстро вертевшимся колесом, увидела точно борьбу. Борьбу странную – между молодой белокурой,

---

⁶⁰ Мы находимся в святой святых, куда не всех допускают даже из персонала (*фр.*).

⁶¹ по случаю (*фр.*).

⁶² музей (*англ.* museum).

⁶³ маньяки (*фр.* maniaque).

румяной, на вид совершенно здоровой девушкой и рослым, красивым молодым человеком!.. Он старался ее осилить – наложить ей руки на глаза, на затылок. Она отчаянно изгибалась, отталкивала его, вывертывалась и не переставала испускать тот жалобный писк или завывание, похожее на визг собаки, когда ее мучает злой ребенок, которое поразило наш слух, едва мы вошли в комнату.

– Но, Бога ради! – сказала я доктору. – Если она не хочет, если это заставляет ее страдать, – оставьте! Не мучьте бедняжку! Не надо усыплять ее!..

– О, нет! – успокоил меня Комбре. – Не беспокойтесь. Она не хочет спать, она сердится потому, что увидала меня и не хочет, из мстительности, позволить *мне* делать над нею опыты... *Они*, видите ли, очень ревнивы и чувствительны, эти барышни! В последнее время я с нею мало занимался: у меня была другая *ясновидящая* сомнамбулка, гораздо более интересная, чем Витман. Так вот она и рассердилась на меня... Но это ничего! *Mon collègue l'endormira, tout de même*⁶⁴! – обменялся он взглядом и улыбкой с молодым человеком, *усыпавшим* больную. – И тогда я покажу вам все, на что только она способна.

– А почему же вы не хотите показать нам другой субъект, вот, если та, как вы говорите, способнее?..

Молодые доктора опять переглянулись и засмеялись.

– Увы! – весело возразил наш провожатый. – Это невозможно! *M-lle Herminie*⁶⁵ нет более в Сальпетриере. Она воспользовалась данной ей некоторой свободой и... ушла! Ушла *avec un cousin*⁶⁶! С кузеном, с которым ведет ныне очень веселую жизнь...

– И благо ей! Значит, выздоровела? – добродушно заметил полковник.

– Бог знает!.. Мы ее, напротив, каждый день ждем сюда обратно. Но только тогда ей придется натянуть *une camisole de force*⁶⁷. Нет ничего опаснее для таких организмов, как, не излечившись, испробовать жизни.

– А будто *здесь* когда-нибудь вылечивались? – вырвалось у меня скептическое замечание.

Я была возмущена странными приемами доктора-магнетизера. Никогда мне не приводилось видеть такого насилия над волей больного.

– Вылечивались, и многие! – добродушно отвечал мне Комбре, не желая, вероятно, замечать злого умысла. – Пойдемте! Кажется она *готова*? – обратился он к своему товарищу, под сильными руками которого сомнамбулка уже успокоилась и казалась крепко спящей. Только одна слезинка, следствие недавнего огорчения, выкатилась и застыла на ярко горевшей щеке... Ей велели встать и идти, и она послушно встала и пошла с закрытыми глазами, прямо за своим магнетизером, между колес, ремней и мебели, ни разу не задев ничего, не останавливаясь; сошла с крыльца, перешла двор, вошла снова на крыльцо и прямо повернула в кабинет Шарко.

– Сядь!

Она, не оглядываясь, как автомат, села на первый стул. Мы все вошли за ними и разместились, внимательно следя за этой комедией человеческого организма, которую сознательная *воля* одного человека заставляла разыгрывать за счет бессознательных *сил* другого.

Началось представление.

Чего не заставляли доктора проделывать этот живой труп!.. *Blanche Witmann* повиновалась всем приказаниям докторов, как автомат, снабженный изумительно искусными пружинами. Ей приказывали ходить, сидеть или стоять в самых невозможных позах, и она ходила или стояла, и нежные, гибкие члены хорошенькой девушки принимали крепость, силу и бесчувственность стали. Ее кололи булавками (теми самыми, что были заготовлены на столе Шарко, в подушечке), ей прокалывали насквозь руку – она стояла, продолжая улыбаться. Улыбка застыла на ее губах, потому что доктора оставили ее в той позе, которая *требовала* улыбки. Они меняли ее позы, положение рук и головы, и вместе с ними произвольно менялись и выражения ее лица. С

---

⁶⁴ Мой коллега ее все же усыпит (*фр.*).

⁶⁵ Мадемуазель Эрмины (*фр.*).

⁶⁶ с одним из кузенов (*фр.*).

⁶⁷ смирительную рубашку (*фр.*).

удивительно красноречивой силой сменялись на нем чувства и страсти!.. Смех, гнев, счастье, горе и мольба, беззаботная радость и сосредоточенная злоба, ревность, ирония, ужас и кокетливые улыбки являлись на этом румяном лице с закрытыми глазами, смотря по тому, как ей изгибали стан и руки. Ее приводили в каталептическое состояние, и тогда никто не мог разогнуть ей ни рук, ни даже единого пальца!..

– Вот теперь, – говорил нам Комбре, – в ней остались лишь 4 принципа бытия. 5-й, 6-й и 7-й принципы отсутствуют... Это организм живой, но не одушевленный... А вот сейчас мы вернем ей несколько сознания; мы возвратим, на время, ей манас – сознание ее инстинкта, и вы посмотрите, какая совершится перемена с возвращением 5-го принципа бытия.

И молодой врач, выражавшийся как истый теозоф, который перенес все свои научные знания на почву теозофических понятий, несколькими пассажами, наложением рук на затылок спящей возвращал ей самосознание животное, и вместе с ним на лице девушки появлялось выражение болезненного утомления, потом боязни, отвращения, и она пугливо отстранялась от Комбре и, вся дрожа, прижималась к стене, закрывала руками глаза, словно они у нее видели сквозь опущенные веки... Доктора смеялись.

– За что ты так не любишь Комбре? – спрашивал его товарищ.

– Не люблю! Боюсь!.. – шептала Blanche.

– Ну, он тебя не тронет. Это я! – уверял он, в то время как Комбре, улыбаясь, приближался и пытался взять ее за руку. Но ясновидящую обмануть было нельзя: она чуяла своего врага, как хорошая гончая, нюхом.

– Можно мне заговорить с ней? – спросила я.

– Можно. Почему же!.. Blanche! Donnez la main à madame⁶⁸.

Blanche сначала пугливо отстранилась, но когда я подошла и сказала:

– Хотите дать мне руку?.. Я вам всей душой желаю добра! Вы верите?.. Вы видите меня? – она подала мне руку и без запинки отвечала:

– Oui. Je vous aime bien⁶⁹... Вы очень добры.

Я попросила ее описать мою наружность, и она сейчас же это сделала, хотя *глазами* никогда меня не видала.

– Отчего вы так не любите *mr.* Комбре? – спросила я.

Она чуть слышно прошептала:

– Я не люблю его... Он был зол! Он не хочет меня лечить.

– Ага! Вот оно!.. – тихо засмеялся обвиняемый. – Разве я мало занимался тобою, Blanche?

– Прежде!.. Потом вы меня бросили... Другие не так легко усыпляют!.. Ils me font mal⁷⁰...

– Да ведь ты сама меня к себе не допускаешь! Ты не хочешь, чтоб я усыплял тебя!.. Отчего?

Больная молчала, прижимаясь к стенке, будто дуясь.

– Скажите, почему же вы сами не позволяете доктору Комбре вас усыплять и сами же на это сердитесь? – спросила я. – За что вы на него сердитесь? С каких пор?

Blanche с запинкой прошептала:

– Depuis qu'il m'a dit des sottises⁷¹.

Мы все переглянулись, озадаченные. Бедный доктор даже сконфузился такому неожиданному обвинению.

– Blanche! – вскричал он. – Что ты рассказываешь?.. Какие глупости я тебе говорил? Отвечай! Сейчас отвечай... Я хочу.

Но на сей раз воля врача оказалась бессильна. Blanche ничего не хотела говорить.

– А когда так, так будь же ты хоть на что-нибудь годна! – вскричал доктор.

---

⁶⁸ Бланш! Подайте даме руку (*фр.*).

⁶⁹ Да. Я Вас очень люблю (*фр.*).

⁷⁰ Они делают мне больно (*фр.*).

⁷¹ С тех пор, как он мне наговорил глупостей (*фр.*).

И быстро овладев ее руками, чтоб она не оттолкнула его, он наложил ей указательный и большой пальцы своей свободной руки на глаза и крепко прижал их, прислонив голову ее к стене. В ту же минуту голова Blanche беспомощно свесилась, и она снова впала в полное бесчувствие.

– Она плохая ясновидящая и часто мелет вздор! – решил Комбре. – Проявления гипнотизма и каталепсии в ней гораздо интересней.

Признаюсь, я посмотрела на него подозрительно, и мне стало еще более жаль бедную, хорошенькую девушку, так бессильно преданную на произвол врачей, из которых лучшие смотрят на нее, как на бесчувственную машину, на научный материал... если не хуже! И, быть может, ни один не относится к ней как к *пациентке*, имеющей право на излечение, на восстановление своих поруганных прав человеческих!.. Товарищ Комбре по медицине, здоровенный парень, с очень неблагонадежным, не то насмешливым, не то циническим взглядом, еще более удостоверил меня в моих печальных предположениях. Он сказал, смеясь, грубо положив руку на грудь бесчувственно понурившейся на стуле девушки:

– Она, прошлый раз, долго страдала после такого опыта, но она бывает в нем очень интересна!.. У нее вот тут есть нерв. *Voulez-vous que je lui donne des songes érotiques*⁷²?..

Трепет негодования пробежал по нашему маленькому обществу. Комбре первый поспешил остановить своего бестактного и безжалостного товарища и, разумеется, его негодующий голос не оказался единичным в поднявшемся концерте укоров.

– *A bah! Une souffrance de plus ou de moins*⁷³! – наивно изумился услужливый врач. – Ведь все равно нынешний опыт заставит ее проболеть несколько дней.

– Боже мой! Если б мы это знали, мы не просили бы никогда показывать нам этих опытов!

Комбре поспешил разуверить нас, но в таком тоне, который нимало не успокоил меня за бедную Blanche Witmann и других ее подруг по несчастью.

– Он вас морочит, – говорил он. – Пустяки!.. Конечно, если б не дать ей отдохнуть, – сейчас же разбудить ее... Но при известных приемах никакой нет опасности. Особенно для такой здоровенной девки! *C'est une vache! Elle n'a aucune intelligence*⁷⁴! Она, право, не стоит вашей симпатии.

– Она совсем мне не кажется ни коровой, ни такой глупой! – сказала я и выразила желание поговорить с нею вне сна, против чего Комбре восстал энергично. Он приподнял веки спящей, чтоб показать, как высоко закатаны глаза бедняжки; заставил ее сделать еще несколько конвульсивных гримас, трогая то один, то другой нерв на лице ее; потом стал вытягивать руку, сжимать и разжимать судорожно пальцы, придавать им самые неестественные выверты, из которых никакая сила не могла их вывести, кроме его потрагивания известных нервов и связок. Потом сказал, что может, потрогав на шее ее известный мускул, заставить ее открыть рот и высунуть язык, но предпочитает не делать этого, потому что недавно при таком опыте с одной больной язык несчастной свела судорога, которая не проходила 9 дней. Девять дней она ходила с вывороченным, высунутым языком и не могла ни говорить, ни есть.

– Возможно ли вызывать такие страдания?.. Ну разве же это не варварство?! – вскричали мы.

– Что ж делать? – отвечали нам. – Это несчастный случай!.. Для пользы науки приходится рисковать.

Помилуй Бог всех нас от принесения подобной пользы человечеству!.. Гуманисты учреждают общества покровительства *животным*; вопиют против вивисекции собак, – кто ж заступится за несчастных, *человеческие* права которых на жалость и ограждение от страданий так бесчеловечно попираются во имя науки?.. Вдова Клода Бернар[а]⁷⁵, во искупление жестокости своего мужа к собачьей породе, ныне учредила в Отейле⁷⁶ «собачий госпиталь», на который не

⁷² Хотите, чтобы я навеял ей эротические сны (*фр.*).

⁷³ А! Одним страданием больше или меньше (*фр.*).

⁷⁴ Это корова! У нее нет ни капли разума (*фр.*).

⁷⁵ Бернар Клод (1813–1878) – французский врач, исследователь процессов внутренней секреции, основоположник эндокринологии.

⁷⁶ Отейле – южный район Парижа.

жалеет ни трудов, ни средств. Интересно знать, учредят ли вдовы Шарко, Комбре и К^о что-либо подобное этому *искупительному* собачьему заведению для искалеченных окончательно их «человеколюбивыми опытами» молодых женщин и девушек?.. Бедные Бланш Витман!.. Несчастные матери этих *узаконенных* жертв науки! Я-таки настояла на своем: я поговорила с Бланш, когда ее вывели из ее магнетического сна. Она показалась мне очень кроткой, разумной и симпатичной девушкой. Отвечала на все мои вопросы толково и учтиво; выразила полную надежду на выздоровление; но, разумеется, ничего не помнила, что с нею было, и с полным убеждением уверяла, что видит и говорит со мной впервые. Первое, впрочем, была истинная правда.

IV

Для заключения моего повествования о виденных нами в течение полуторамесячного пребывания нашего в Париже диковинах магнетизма и ок[к]ультизма мне остается рассказать еще два случая, едва ли не самых удивительных из всего рассказанного.

11 июня мы проводили в гостях. Разговор шел общий о вещах посторонних, как вдруг Е.П.Блаватская обратилась ко мне с замечанием по поводу посланного мною за 10 дней до этого в «Одесский вестник» описания удивительных феноменов 23 и 24 мая (с письмом и с медальоном). Я еще не знала, напечатано оно или нет, и была изумлена ее замечаниями, прекрасно зная, что рукописи моей она не читала и понятия о написанном не имела.

– Откуда вы знаете это? – спросила я. – Разве статью мою сюда вам прислали?

– Никто не присылал ничего, – отвечала она, – но рассказ был напечатан в фельетоне от 5 июня и я его знаю.

И она продолжала говорить о нем с подробностями, действительно подтверждавшими факт.

На другой день после этого мне понадобилась для некоторых сведений так называемая *scrap-book*⁷⁷ Елены Петровны, т.е. большая книга с очень редко переплетенными листами толстой, бристольской бумаги, на которые аккуратно клеивается все, что только появляется на каких бы то ни было языках в газетах по поводу теозофического об[шест]ва и его основателей. Оказалось, что книга у г-жи де Морсье и что она обещалась ее доставить в тот же день. В самом деле, мы пили наш вечерний чай, когда она сама привезла ее и передала мне в руки. Заняться нужными мне выписками в этот вечер, 12 июня, мне было некогда, – у нас гости сидели до первого часа; но так как я дорожила каждой минутой, зная, что нам недолго уже оставаться в Париже, я просмотрела ее, и в особенности последние вклеенные в нее статьи: «An interview with m-lle Blavatsky» из «Pall-Mall Gazette» и статью про Олкота, перепечатанную из той же газеты в «Philosophic Inquirer» под оригинальным заглавием: «*Чудотворец наших дней*»⁷⁸.

После этих двух больших статей была вклеена еще одна маленькая, *последняя*, из «Ребуса», – тоже перепечатанная им из какой-то французской газетки, – кажется «*Matin*»⁷⁹. Статейка очень глупая, – что я и заметила Елене Петровне.

– Нечего! – возразила она смеясь. – Мы все сюда вклеиваем, и дурное, и хорошее!.. Жаль, что «Ребус» перепечатал именно ее!.. Чтоб ему лучше обратить внимание на статью 11 мая (н. ст.) в «*Défenseur*»⁸⁰, где легитимисты уверяют, что теозофисты сжалились над нравственно

⁷⁷ скрапбук (*англ.*) – альбом для наклеивания вырезок.

⁷⁸ Речь идет о статьях: More About the Theosophists. An Interview with M^{de}. Blavatsky // The Pall Mall Gazette (London), April 26, 1884 (Подробнее о теософах. Интервью с мадам Блаватской // The Pall Mall Gazette (Лондон), 26 апреля, 1884); A Miracle Worker of To-Day // Pall Mall Gazette (London), April 21, 1884 (Современный чудотворец // Pall Mall Gazette (Лондон), 21 апреля, 1884).

⁷⁹ Речь идет о статье «Общество теозофов» (Ребус, 1884, №22, 3 июня; перепечатка из французской газеты «*Gil Blas*»), впервые напечатанную в «Новом времени» 29 апреля (№2933) и перепечатанную 4 мая (№100) «Одесским вестником».

⁸⁰ См. эту статью, перепечатанную из газеты «*Le Défenseur*» (1884, 11 июня) и переведенную на английский язык, в: The Theosophist, 1884, т. 5, №12, сентябрь. С. 296.

погибающей Францией и явились, чтоб вернуть ей Господа Бога!.. Но такова моя судьба, что русские журналы вечно выбирают все, что обо мне и об об[щест]ве пишут дурного⁸¹.

И она передала для прочтения статью [из] «Défenseur»'а одному из гостей, не читавшему ее.

Я говорю об этом подробно с умыслом, чтоб показать, что все мы хорошо познакомились с содержанием этой *scrape-book*, и в особенности с *последней* вклейкой из «Ребуса»... Это было во вторник, поздно вечером, 12 июня. В этот вечер Е[лена] П[етровна] так устала, что едва легла, заснула на глазах наших, как убитая. 13 июня, в среду, я встала очень рано; мне нужно было заняться на досуге. Елена Петровна и другие еще спали, и едва мне сказали, что она проснулась, я пошла к ней спросить опять эту необходимую мне *scrape-book*. Она еще лежала в постели, читая только что полученные письма.

– Вот она, возьмите ее! – указала она мне издали [на] эту большую, красную книгу. – Но вот что: вот просьба к вам Олкота...

И она объяснила, что полковник пишет из Лондона, прося, чтоб я перевела на английский язык протокол, составленный *m-me de Морсье* об известном событии 23 мая⁸², для помещения в какой-то английской газете⁸³. Так как я не надеялась на свое знание английского языка, то мы условились, что Елена Петровна, завтракая, продиктует мне его. Она оделась при мне и мы, выйдя в гостиную, сейчас же принялись за дело. Она диктовала, прихлебывая свое кофе; я писала.

– Как жаль, что нет здесь статьи [из] «Одесского вестника» от 5 июня! – сказала Е[лена] П[етровна]. – Всего бы лучше ее перевести и послать Олкоту.

– Зачем же дело стало? – сказала я. – Дней через пять мы едем, а по приезде в Одессу я сейчас переведу ее и пришлю.

– Это будет долго. Нет уж, делать нечего: надо пока удовольствоваться рассказом *de Морсье*...

В эту секунду в комнате Елены Петровны раздался нам хорошо знакомый призывный аккорд. Она тотчас встала и пошла к себе.

– Пожалуйста, скорей! – закричала я ей вслед. – Мне некогда! Меня ждут, по уговору, знакомые на *Place de l'Étoile*⁸⁴, где я должна быть к двум часам, – а теперь одиннадцать.

Я не успела окончить своего ворчливого замечания, как Блаватская показалась снова в дверях своей комнаты. Она с торжеством несла по коридору открытую *scrape-book*, чему-то смеясь, и положила ее предо мной со словами:

– Извольте! Вот ваша статья из «Од[есского] вестника» уже готова и наклеена. Можете ее переводить вместо сухого рассказа *m-me de Морсье*.

В первую минуту я не поверила своим глазам! Фельетон от 5 июня действительно красовался, крепко приклеенный к странице, следующей за статьею из «Ребуса».

– Он сегодня вклеен! – сказала я. – Когда вы успели?..

Я начала внимательно рассматривать вклейку и читать статью. Точно: это было мое повествование, посланное 28 мая в Одессу. Оно было плотно приклеено, первый лист за корешок, а последний разрезан в два ряда – три столбца вверху, три столбца внизу страницы, и на них красовалась знакомая нам красная подпись. Я усердно стала ощупывать, пробуя оторвать, но клей

⁸¹ После этих слов в статье В.П.Желиховской «Феномены ок[к]ультической силы г-жи Блаватской» («Ребус», 1884, №50) следует сноска редакции журнала «Ребус»:

«Душевно сожалеем, что перепечатка эта дала повод Е[лене] П[етровне] включить наше издание в число органов как бы ищущих, по ее словам, случая выставить ее в неблагоприятном свете. “Ребус”, вполне сочувствуя деятельности Е[лены] П[етровны], постоянно стремился насколько возможно больше дать о ней сведений ее соотечественникам. Заметка эта была перепечатана нами как первое сведение, появившееся о Е[лене] П[етровне] в иностранной печати по приезде ее в Европу. Не можем при этом не пожалеть, что болезнь и непрерывные занятия не дали до сих пор возможности самой Е[лене] П[етровне] сообщить на страницах “Ребуса” более верные сведения о ее деятельности».

⁸² Этот протокол сохранился с подписями Э.Морсье, Г.Олькотта, У.Джаджа и Вс. Соловьева сохранился (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 80. Л. 4–5).

⁸³ См.: Оксон М.А. [Мозес У.С.] Оккультный феномен в Париже // The Theosophist, 1884, т. 5, сентябрь, Приложение. С. 127 (перепечатано из: Light, 1884, 12 июля).

⁸⁴ Площадь Этуаль (Звезды) (фр.).

был совершенно сух, как будто газетная бумага наклеена на бристолевскую за несколько дней до этого.

Я мысленно решила, что статья моя выслана г-же Блаватской на другой же день ее появления в печати (от 6 до 11 июня как раз пять дней, нужные для пересылки почтой из Одессы в Париж) и наклеена ею в книгу в эту ночь. Я только дивилась, кто мог оказать ей такое вниманье в Одессе? Я очень хорошо знала, что за нашим отсутствием там было всего два человека, способных на такую любезность, и решила, по возвращении своем, немедленно осведомиться, *когда* они выслали ее и почему не мне, а ей. Оба эти лица со мною лично хорошо знакомы, а Е[лену] П[етровну] знают только по ее сочинениям и деятельности в Индии. Тут вошла Н.А.Фадеева, которой я рассказала о случившемся. Она тотчас же принялась за чтение и просмотрела внимательно весь фельетон. В этот день, несмотря на мою уверенность в том, что фельетон [из] «Од[есского] вест[ника]» самым *натуральным* образом попал в scapе-book г-жи Блаватской (в чем она меня впрочем и не разуверяла, а только смеялась, когда я спрашивала ее, отчего она сразу не указала мне его, а дожидалась этой «*таинственной*» музыки?), я была заинтересована этим происшествием и рассказывала о нем знакомым, с которыми осматривала некоторые памятники Парижа. Один из них, очень верующий в силу ок[к]ультических знаний⁸⁵, изумлялся моему упорному неверию их власти и предсказывал мне, что я буду «*посрамлена*» в моей подозрительности и что мне «*будет доказано*», что я не права, – что это новый феномен вполне несомненный. Вернувшись домой, я взялась за скрэп-бук с намерением переводить свой рассказ, как обещала Елене Петровне. Каково же было мое изумление, когда я увидела, что *его нет!*.. Все вклеенные статьи по-прежнему оканчивались вырезкой из «Ребуса», за ними шли, как накануне, белые, нетронутые листы толстой бумаги...

Не веря глазам своим, я продолжала перелистывать книгу с лихорадочным беспокойством.

– Что вы ищете? – спросила меня Е[лена] П[етровна], уже по обыкновению окруженная сонмом посетителей.

– Свой фельетон из «Одесск[ого] вест[ника]»! – сказала я.

– Да ведь он же последний... сейчас после «Ребуса»... За ним чистые листы.

Я молча передала книгу Блаватской и тетке ее, Н.А.Фадеевой (читавшей утром фельетон этот вместе с нами). Они открыли ее на последней вклеенной статье и обе ахнули...

– Зачем вы его вырвали? – вскричала я, обращаясь к Елене Петровне.

– Я, вырвала?! – вспыхнула она. – Я не двигалась с места и свободной минуты не имела от гостей весь этот день! Да, наконец, статья была мне нужна: зачем бы я ее вырвала?..

– Не знаю зачем! Но она вырвана: это очевидно!.. Мы ее все читали, – а теперь ее нет! – упорствовала я.

– Да: ее нет! Но *не я* ее вынула!.. А что *никто не вырывал листов*, так вот лучшее тому доказательство!

И Блаватская указала на печатные номера страницы. Цифры шли не прерываясь: «56» – гласил угол последнего листа, где красовался отрывок из «Ребуса». «57» – непрерывно следовала цифра на последующей, девственно белой странице...

Это действительно было красноречивое доказательство!

«И вы будете посрамлены!.. Вам будет доказано, что это феномен вполне несомненный!» – мелькнуло в моей памяти предсказание В.С.С[оловьева], моего *верующего* знакомого.

Все же таки я взяла опять книгу и тщательно осмотрела, нет ли следов клея, малейших признаков счистки на 57-й странице?.. Нечего и говорить, что я ничего не могла открыть.

А между тем не одна я видала утром, как плотно были наклеены на ней шесть столбцов фельетона из «Одесск[ого] вест[ника]», да еще на них сделан *красный знак*, обычная подпись махатмы, учителя Елены Петровны.

---

⁸⁵ В.С.Соловьев.

Нужно и еще заявлять, что я, приехав в Одессу, расспрашивала всех, могших и не могших выслать «Одес[ский] вестн[ик]» Е.П.Блаватской, и все единодушно отвечали мне, что и не думали его высылать ей.

Положим, они лгут. Положим, фельетон совершенно законным путем попал в книгу. Но как же он исчез из нее?..

– Майя!.. Мираж! – спокойно утверждала Е[лена] П[етровна].

– Наваждение! – решили мы не так твердо, как она, убежденные в *натуральном* характере всех этих феноменов, – в их чистом свойстве, будто бы совершенно отличным от свойств спиритических феноменов.

15 июня гр[афиня] де Барро⁸⁶ давала Блаватской прощальный обед, а вечером собрались к ней человек двадцать теозофов. Между гостями были некоторые, не слыхавшие никогда мелодии воздушных аккордов, производимых по произволу Е.П.Блаватской⁸⁷. Несмотря на то, что она была совсем больна, усталая от укладки (она тоже уезжала на другой день) и расстроенная предстоящей разлукой с сестрой и теткой, она согласилась на прощание сделать удовольствие хозяйке дома и гостям ее. Никогда еще она не бросала вокруг себя аккордов более звучных и гармонических, как в этот вечер! Все были в восторге от этого удивительного явления и восторженно благодарили ее.

Зато на другой день она была совсем больна: еле передвигала болевшие, опухшие ноги и даже ладони рук ее распухли, так расходился ее давнишний хронический недуг.

Грустно было нам и многочисленным друзьям, провожавшим ее, расставаться с ней⁸⁸, особенно видя ее в таком болезненном состоянии. Приехав на станцию северной жел[езной] дороги, она с трудом вышла из экипажа и совсем не могла стоять на ногах.

Глядя на нее, близкие ей не могли воздержаться от нареканий на ее «могущественных индусских учителей!» К чему их тайные знания? К чему их прославляемая ими доброта и любовь к человечеству? Их власть совершать ни к чему не ведущие «*феномены*», когда они не могут или не хотят (последнее еще хуже!) помочь ей, отдавшей всю жизнь свою на распространение проповедуемых ими учений, на прославление их «великих» нравственных сил и целей?!

Много раз она говорила нам прежде, что мы ошибаемся; что «*хозяин*» ей часто помогал и даже раз излечил ее от смертельной болезни; но что вообще махатмы смотрят так равнодушно на телесные страдания потому, что сами презирают их; считают их, к тому же, законной «*кармой*» за наши прегрешения. Но, признаюсь, такие объяснения нас не удовлетворяли и мы находили, что они *должны были бы* облегчать человеческие страдания, если б только могли.

В особенности в эти минуты разлуки я смотрела на Е[лену] П[етровну] с чувством озлобления на «*этих фокусников*», способных проделывать лишь никому не нужные феномены.

Размышляя так, поддерживая ее под руку в ожидании звонка, я вдруг была поражена изменением в ее наружности. Она вдруг выпрямилась вся, оглянулась, схватив себя за плечо, и вскричала:

– Кто это?.. Чья это рука?..

Мы не видели никакой руки, и все остановились в недоумении... Но до чего возросло наше изумление, когда Елена Петровна вдруг оглянула нас и скоро, бодро пошла вперед, отстранив всякую поддержку.

– Вот! – сказала она с проясненным лицом. – Вы обвиняете их, что они не хотят мне помочь? А я сейчас видала руку «*хозяина*» и вот теперь – смотрите!

Она высунула из-под платья одну ногу, потом другую, быстро ворочая ими, и нам показалось, что опухоль с них сошла... Она вдруг ободрилась, быстро ходила, уверяя нас, что боль в ногах ее совершенно прошла, что она очень давно так хорошо себя не чувствовала.

Факт таков, что ей пришлось менять несколько раз вагоны (куда вход во французских каретах особенно крут и неудобен) и что все присутствовавшие, знавшие ее такой больной, были

---

⁸⁶ Барро Каролина (1828–1888) – французская писательница, педагог, благотворительница, теософ.

⁸⁷ Я готова, по востребованию, дать редакции имена и даже адреса многих там присутствовавших и вообще очевидцев, которые подтвердят все, мною сказанное здесь. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁸⁸ Е.П.Блаватская уезжала в Лондон.

поражены легкостью, с которой она взбиралась и сходила по этим крутым ступеням. Мы недоумевали, как она взберется в вагон; а она без всякой помощи их два раза меняла!.. Нам оставалось в недоумении пожелать ей, чтоб эта своевременная помощь не оказалась временным возбуждением нервов и продлилась бы как можно дольше.

Вот простое изложение фактов, происходивших на глазах моих с 8 мая по 16 июня 1884 г. Судить о них я не берусь. Если я и имею личное мнение о *добром* или *злом* их начале и последствиях, – я не вижу нужды делиться им с другими. Пусть каждый судит и определяет за себя! Я же позволю лишь себе пожелать ради скорейшего объяснения таких *задач нашего времени*, чтоб все, видящие что-либо подобное, нашли в себе достаточно мужества и любви к истине, чтоб не убояться заявить об этой истине прямо, как заявила я.